

НОЧНАЯ ЭКОНОМИКА, АЛКОГОЛЬ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ: СТРАТЕГИИ РЕВИТАЛИЗАЦИИ, ПРОСТРАНСТВА КОНФЛИКТА И ПЕРСОНАЖИ НОЧНОЙ ЖИЗНИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ НОЧНОГО ГОРОДА

Федор Веселов

Федор Веселов, Европейский университет в Санкт-Петербурге (проект «Антропология города и городской фольклор»). Адрес для переписки: ЕУСПб, ул. Гагаринская, 6/1, лит. А, Санкт-Петербург, 191187, Россия. veselovfedor77@gmail.com.

Исследование выполнено в рамках программы «Культурная антропология» факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Благодарю преподавателей и студентов факультета антропологии за регулярные обсуждения работы на исследовательских семинарах факультета, моего научного руководителя Михаила Лурье за настоящее научное руководство, а также коллег Александру Бармину, Алису Алиеву и Арсения Веркеева за возможность свободно делиться идеями и обсуждать исследование вне институционального контекста. Основной текст статьи написан во время двухмесячной стажировки в Александровском институте (Университет Хельсинки) при поддержке программы INREES.

Статья посвящена критическому обзору исследований ночной экономики городов. Акцент сделан на развитии экономики алкоголя и развлечений в публичном пространстве ночного города в европейском контексте (кластеры ночной жизни, бары, ночные клубы). В обзоре разбирается базовая в исследовательском поле концептуальная метафора «ночь как фронтир», описывающая продвижение социальных отношений (в первую очередь, капиталистических) не только в пространственном измерении, но и в темпоральном. Метафора позволяет уловить изменения, характерные для перехода к постиндустриальной модели городского развития (формирование экономики впечатлений, трансформация режимов жизни горожан, идея города 24/7), а также интерпретировать процессы туристификации, коммерциализации и джентрификации городского пространства и связанные с ними конфликты. Описываются условно выделяемые исследователями волны интереса к ночной экономике городов в Европе: от бурного развития ночной экономики в качестве стратегии ревитализации городских центров в 1980–1990-е годы до критического осмысления социальных эффектов такой политики и поиска решения проблем развития ночных индустрий в дальнейшем.

Последняя часть работы посвящена тому, как описанный выше «ночной фронтир» устроен на уровне каждодневных взаимодействий, испытываемых аффектов и поведения человека в пространстве ночного города. В обзоре цитируются исследования кейсов развития ночной экономики в европейских городах – Риме, Лондоне, Мадриде и Барселоне, Берлине, Будапеште, Стамбуле, Ньюкасле, а также на болгарском курорте Sunny Beach и в других местах. Помимо этого, в начале работы дается анализ развития исследовательского поля в России, а на протяжении всего обзора сделаны отсылки к соответствующим кейсам российских городов.

Ключевые слова: ночной город; ночная экономика; «ночь как фронтир»; постиндустриальный город; публичное пространство; алкоголь и развлечения; исследования ночи

«Полное погружение в ночную жизнь», «неформальная прогулка по барам» или «посещение самых колоритных мест ночного города» – такие предложения наполняют туристические путеводители, городские медиа и сайты – агрегаторы экскурсий. Берлинские и тбилисские клубы, будапештские руин-бары, бархopping или пабкраулинг – эти культурные феномены, как и многие другие процессы, связанные со словом *nightlife*, активно развиваются во многих городах мира, а также находят отражение в популярной культуре (достаточно вспомнить хиты «Moscow Never Sleeps» и «В Питере – пить»). Однако гораздо реже ночная социальная жизнь, ночной город и сама по себе ночь становятся предметом исследований в социальных науках, а не темами статей в путеводителях, инстаграм-гидах или текстов на сайтах с афишами событий. Задача этой обзорной статьи – начать дискуссию в этой области.

Статья посвящена критическому обзору исследований ночной экономики городов (*night-time economy*) в европейском контексте – прежде всего ночной экономики алкоголя и развлечений. Термин «ночная экономика», которым я пользуюсь, можно считать устоявшимся в социальных исследованиях ночного города к 2020-м годам. Под ним понимают экономическую активность в вечернее и ночное время, а большинство исследований, где используется это понятие, посвящено барам, клубам, кинотеатрам и другой активности в публичных местах. Если смотреть на проблему шире, то можно сказать, что на сегодняшний день уже идет процесс институционализации отдельного поля исследований – исследований ночи, *nightology* (Shaw 2018). Появляются тематические номера журналов, проводятся соответствующие конференции, формируются исследовательские группы, занимающиеся этой темой, и т. п.¹ Однако социальные ученые только во второй половине XX века начали задумываться о ночном времени как об отдельной теме исследования, и лишь в 1990-е годы ночной город стал интенсивнее осмысляться в рамках *urban studies*. Примерно в этот же период (1970–1990-е) ночное время попало в практику городских менеджеров, которые начали думать о его использовании в качестве экономического ресурса. И исследовательское поле, и управ-

---

¹ Например, NITE: Night Spaces: Migration, Culture and Integration in Europe (Нидерланды, <https://www.nightspace.net>), LXNights (Португалия, <https://lxnights.hypotheses.org>), Geografías Nocturnas (Испания) и Stadtnacht (Германия, <https://www.stadtnacht.de>), а также International Night Studies Network (<https://nightologists.hypotheses.org>) и регулярные конференции, например, International Conference on Night Studies (<https://icnslx.com>).

ленческие стратегии менялись и находились друг с другом в разных (острых и не очень) отношениях на протяжении XX века и уже в XXI тоже. В обзоре, помимо прочего, я покажу эту эволюцию.

Есть несколько мотиваций для описания поля исследований ночной экономики города, каждая из которых найдет свое отражение в тексте. Во-первых, исследования ночной экономики напрямую связаны с поиском ответов на более фундаментальные вопросы социальной организации крупных городов и общественных отношений: процессы туристификации, коммерциализации и джентрификации городского пространства и конфликты вокруг них; переход от индустриальной экономики к постиндустриальной и развитие экономики впечатлений; трансформация режимов жизни горожан, размывание границы труд/досуг, идея 24-часового города и так далее. Возникновение кластеров ночной жизни, таким образом, является отражением сложноустроенных широких общественных процессов развития городского пространства.

Во-вторых, в российской социальной науке на данный момент не сложилось целостного представления о ночи как о самостоятельном и требующем последовательного изучения феномене социальной жизни. Даже немногочисленные, но значимые работы, в которых тема ночной социальной жизни так или иначе раскрывается, оказываются очень слабо интегрированными в международное и активно формирующееся исследовательское поле. В этом не было бы проблемы, если бы не тот факт, что ночная экономика российских городов активно развивается как минимум со времен распада СССР² и продолжает оказывать влияние на жизнь людей в крупных городах³. В этом обзоре описываются уже разработанные на похожем материале теоретические модели и концепции, а также кейсы развития ночной экономики в других (в основном европейских) городах.

Ночной город – невероятно интригующее и при этом мало раскрытое поле исследований. Интерес вызывает и то, как формируются целые индустрии или отдельные кластеры ночной экономики, и то, как устроен опыт посещения горожанами отдельных заведений. И процесс развития ночной экономики в российских городах (не всегда гладкий), и опыт посещения бара горожанами требуют своего описания тем языком и с использованием тех инструментов, которые уже разработаны в исследованиях ночного города и ночной экономики.

РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НОЧНОГО ГОРОДА

В российской науке ночной город и ночная экономика редко оказываются в центре теоретической модели или эмпирического исследования города. Есть ряд работ об отдельных феноменах, связанных с этой темой: институций ночного досуга,

---

² Уже в 2007 году было понятно, что «Moscow Never Sleeps» (DJ Smash). Эта популярная песня конца 2000-х годов была скорее кульминацией определенного этапа развития ночной жизни Москвы (до кризиса 2008 года), а не ее началом (Горбачев 2021).

³ Характерные примеры конфликтов вокруг этого процесса в современной России – улица Рубинштейна в Санкт-Петербурге, район Патриарших прудов в Москве, улица Профсоюзная в Казани. Все это популярные кластеры ночной жизни.

таких как диджей-бары (Абдрехимова 2007), ночные клубы (Долженкова 2016) или крафтовые бары (Филоненко 2019); молодежных и других субкультур; коммерциализации городских общественных пространств (Желнина 2011а, 2011б; Zhelnina 2013). Однако в каждом из этих исследований ночной город и ночная экономика если и актуализируются, то являются лишь фоном или контекстом, но не предметом анализа.

Самым первым и, вероятно, самым продолжительным исследовательским проектом, посвященным ночи и ночному городу в России, является цикл конференций и публикаций под руководством Евгения Дукова из Государственного института искусствознания в Москве. Еще в 2002 году была проведена первая конференция по исследованиям ночи, по итогам которой вышел сборник «От заката до рассвета: ночь как культурологический феномен» (Дуков 2005). В течение следующего десятилетия состоялось несколько конференций и была выпущена серия сборников, в которых ночь осмыслялась в первую очередь с культурологических и литературоведческих позиций (впрочем, иногда и с иных – например, с позиций медицинской науки) (Дуков 2009, 2012). Вступительные статьи редактора сборника «От заката до рассвета», как и многие другие статьи этого издания, действительно слабо переключаются с концептуальными рамками, методологией и стилем социальных исследований. Этим статьям иногда недостает концептуализации описываемых процессов и включения российских кейсов в более широкий контекст, хотя многие сюжеты при должном соотношении с социальной научной теорией и мировой практикой могли бы стать очередным шагом в развитии академической дискуссии о ночном городе. Нельзя не отметить, что этот проект последовательно описывает феномены развития ночного пространства российского города в 2000-е и 2010-е годы, что само по себе уже ценно.

Другая область исследования ночного города в России – история повседневности. Здесь уместно вспомнить статью «Ночь как особое измерение человеческого бытия в культурной жизни русского провинциального города в условиях исторического перехода конца XIX – начала XX века» (Меньшикова и др. 2017). В этой работе коллектив авторов не только представляет убедительные результаты собственного исследования, но также связывает свой проект с более широким академическим контекстом и формулирует ту задачу, которую я продолжаю решать в этом обзоре – «выделение ночной культурной жизни в качестве отдельной научно-исследовательской проблемы» и анализ «влияния ночи на содержание и характер самой культурной жизни» (Меньшикова и др. 2017:1467). Авторы упоминают о развитии в западной научной традиции междисциплинарного направления «истории ночи» и ссылаются на некоторые важные работы: например, на исследования французского историка Алена Кабантуса и немецкий научный проект «Потеря ночи» (*Verlust der Nacht*)⁴. В статье есть также библиография работ, посвященных

---

⁴ Надо заметить, однако, что авторы упускают другие значимые работы в этом исследовательском поле, такие, например, как исследования Крейга Кослофски «*Evening's Empire: A History of the Night in Early Modern Europe*» (Koslofsky 2011), Криса Оттера «*The Victorian Eye*» (Otter 2008) или Июкима Шлора «*Nights in the Big City: Paris, Berlin, London, 1840–1930*» (Schlör 1998).

исследованию ночи на русском языке и на российском материале. Изучив этот список, можно еще раз убедиться в том, что обсуждаемое поле в основном представлено литературоведческими и искусствоведческими исследованиями (на их долю приходится 20 работ из 31 упомянутой в списке), гораздо меньше здесь антропологических, социологических или политэкономических текстов.

Прежде чем переходить к следующему шагу, процитирую некоторые выводы из названной работы, поскольку они сильно перекликаются с теми идеями, которые будут рассмотрены ниже:

На рубеже столетий появляются новые ассоциации с ночным временем, обусловленные во многом научно-техническим прогрессом и изменениями в социально-экономической жизни общества. Ночь ассоциируется теперь еще и с праздником, весельем. . . . Вопреки природным ритмам, предполагающим успокоение в ночное время, ночь выделяется во вполне самостоятельный отрезок времени, наполненный разнообразными событиями, в которых жители провинциальных городов принимали активное участие и как потребители, и как организаторы (Меньшикова и др. 2017:1460).

Идея ночи как особого отрезка социального времени в городах еще будет упоминаться и далее, здесь важно отметить, что в России это представление рубежа XX и XXI веков на протяжении XX века практически не развивалось. Так, в СССР не наблюдалось, например, такого же бурного развития ночных индустрий или ночной экономики, как в капиталистических странах. Анализу городской ночи в СССР следует посвятить отдельное эмпирическое исследование, и тема эта, разумеется, выходит за рамки настоящего обзора.

Примером философского осмысления ночного города может служить вышедший в 2022 году тематический номер журнала «Городские исследования и практики» (Вилейкис и Ханова 2022). Этот номер (фактически самостоятельный сборник) имеет собственное название – «Темные города», ряд оригинальных статей и переводов в нем посвящены осмыслению «темного» (или ночного) города. Статьи сборника приближают российских исследователей к концептуализации ночного времени – к тому, чего недостает российским культурологическим работам. Здесь, например, приведен перевод части книги Ника Данна «Dark Matters: A Manifesto for the Nocturnal City» ([2016] 2021), в которой автор задается вопросами о соотношении дневного и ночного городов, о роли темноты и света в человеческом взаимодействии и восприятии, о контроле и регулировании городской ночи. Эти и подобные вопросы мы еще будем обсуждать далее; важно, что о них уже начали писать на русском языке.

Как я уже сказал, русскоязычной академической литературе о ночи недостает именно социальных исследований, однако несколько работ все же стоит упомянуть. Например, статья Вероники Симоновой об отношении к ночи в эвенкийской деревне Республики Бурятия посвящена «социальным ночным практикам и интерпретации ночи как социально и культурно отрефлексированного события» (Симонова 2008:164). Симонова предлагает этнографическое исследование промысловой активности в ночное время, ночного ориентирования, а также ночных

нарративов, мифологий и иных связанных с ночью сюжетов, сохраняющихся в исторической памяти звенков Северного Байкала. Своего рода вызов исследователям, прозвучавший еще в 2008 году в этой статье, звучит так: «Культурное восприятие ночи и ночная социальная активность – это новый мир, *terra incognita*, казалось бы, привычных социальных явлений» (183).

Этот «новый мир» с этнографических позиций продолжает исследовать Андрей Возьянов (2019). Автор смотрит на то, как переживаются вечерние и ночные часы жителями Ростова-на-Дону, где он провел небольшое исследование инфраструктур общественного транспорта. Работа Возьянова – одна из немногих попыток поместить российское антропологическое исследование ночного города в глобальный академический контекст. Он пишет: «Хотя экономические и социальные эффекты ночи все чаще попадают в фокус исследований города, тема анализируется лишь с позиций западноевропейского опыта. В частности, упускаются региональные особенности тех смыслов, которые городские акторы вкладывают в работу инфраструктур в утреннее и вечернее время» (2019:27). Возьянов предлагает читателям краткий обзор тенденций в западноевропейских *night studies*, дает ответ на вопрос, чем «могут быть интересны утро и вечер как социальные феномены в переходных экономиках периферийной Европы» (28) и коротко анализирует два эмпирических кейса: городскую мифологию, сложившуюся вокруг вечерних маршрутов, и попытку вернуть вечерние трамваи в Ростов-на-Дону.

Непосредственно о ночной экономике мне удалось найти лишь одну небольшую работу, опубликованную в юбилейном сборнике научных трудов Самарского государственного университета (Швец и Швец 2014). Статья коротко описывает часть того процесса инструментализации ночного времени со стороны городских менеджеров в Европе второй половины XX века, которая будет рассмотрена ниже. Следует отметить также две лекции социального географа Дмитрия Коменденко, в которых он касается разных аспектов развития ночной экономики в Европе и России⁵, однако в более обстоятельные академические исследования эти лекции не развернулись.

Итак, можно выделить несколько тенденций в исследованиях ночи и ночного города в России. Во-первых, основная часть немногочисленных работ (практически все существующие работы я описал выше), посвященных ночному времени, – это литературоведческий и культурологический анализ, причем основной проект, занимающийся подобными исследованиями, очень слабо интегрирован в мировую науку о ночи, хотя и описывает важные российские кейсы. Во-вторых, существует ряд работ в области истории, философии и этнографии ночного времени и ночного города, которые ценны и сами по себе, и тем, что отчасти выполняют функцию интеграции российской науки о ночи в международный контекст. Наконец, существует лишь один короткий обзор исследований ночной экономики, который описывает часть существующей дискуссии, и ряд кейс-стади, посвященных

---

⁵ Лекция «Трансформация пространственно-временного режима потребления в постсоветском городе», Лекториум, 3 апреля 2013 г., видео, 1:10:39 (<https://www.lektorium.tv/lecture/14366>) и лекция «Как работает экономика ночного города», Бумага, 23 октября 2014 г., видео, 16:05 (<https://youtu.be/KRLhhQMNUc>).

отдельным областям исследования городской ночи, но не связанных единым концептуальным интересом к этому феномену. К сожалению, в других контекстах этот «новый мир» (или *terra incognita*) ночного города, как пишет Вероника Симонова, должного исследования пока не получил.

НОЧЬ КАК ФРОНТИР: БАЗОВАЯ МЕТАФОРА ОПИСАНИЯ НОЧНОГО ГОРОДА

Фронтир – понятие, которое в первую очередь ассоциируется с американской историей поэтапного освоения Дикого Запада в XVIII и XIX веках переселенцами с Восточного побережья нынешних США. Лишаясь прямой исторической ассоциации и становясь концептуальной метафорой, фронтир обозначает зону пространственного расширения, характеризующуюся гибкостью границ, нестабильностью и непредсказуемостью (Синельникова 2020). Метафору начинают использовать социальные исследователи (в первую очередь социальные географы) для обозначения широкого пространственного расширения тех или иных общественных процессов (на сегодняшний день речь во многом идет о развитии глобального капитализма) (Харви [1989] 2021; Brenner and Schmid 2015). Однако некоторые авторы идут и дальше, развивая концепцию фронта и лишая ее исключительно пространственной привязки. Так поступает Мюррей Мельбин, который еще в 1978 году впервые предлагает метафору «ночь как фронтир» в статье с таким же названием (Melbin 1978). Гипотеза Мельбина состоит в том, что время, как и пространство, может быть подвергнуто широкой экспансии и даже «колонизации» со стороны людей. Он показывает, что такая экспансия действительно происходит, основываясь на собственных данных по Бостону и западу США за несколько десятилетий XX века: от замеров активности телевидения и радио до подсчета прохожих на улицах городов в ночное время.

Причем дальнейшие исторические исследования (уже после Мельбина) показали, что границы человеческой деятельности (как минимум в европейской истории) в течение индустриальной эпохи и уже в постиндустриальном мире расширялись за пределы дневного времени суток, постепенно захватывая и ночное время. Эта тенденция хорошо видна, если посмотреть на развитие уличного искусственного освещения в европейских городах.

Только с XVII века свет стал выбираться на городские улицы из королевских дворов, постепенно меняя свою форму от открытого огня в XVII веке (Koslofsky 2011), газового освещения в XVIII–XIX веках (Otter 2008) и до разных видов электрического освещения в XX–XXI веках (Brox 2010). Эта технологическая эволюция является одним из базовых условий возможности (по Мишелю Фуко [1966] 1994) для продвижения фронта общественной жизни все глубже в темную ночь. Так об этом пишет американский исследователь Уильям Шарп, рассматривая пример из Лондона (замечу, что это описание очень напоминает цитату из статьи Евгении Меньшиковой и коллег про ночь российских провинциальных городов на рубеже веков, которую я приводил выше):

Установка газового освещения в лондонском Вест-Энде в 1807 году послужила толчком к ряду инноваций, которые *навсегда изменили ритмы повседневной жизни*, трансформировав традиционные модели промышленности, торговли, досуга и потребления. *Родилось понятие «ночная жизнь»*. С надежным освещением на улицы пришли безопасность, поздний шопинг, а также значительно расширились развлечения. Освещение города изменило то, как люди думали о ночи и, следовательно, жили в ней. Темнота, долгое время препятствовавшая человеческой деятельности, быстро стала стимулятором развития (Sharpe 2008:2; курсив добавлен).

Если возвращаться к ночи как фронтиру, то два других социальных теоретика темпоральности уже позднее расширили эту метафору: Анри Лефевр в работе «Ритманализ» (Lefebvre [1992] 2004) и Джонатан Крэри в книге «24/7: Поздний капитализм и конец сна» ([2013] 2022). Общий тезис обоих авторов, состоит, как и у Мельбина, в том, что ночь постепенно подчиняется социальным порядкам дневного времени, однако с важным дополнением – не просто социальным порядкам, а капиталистическим отношениям. Если Лефевр анализировал различные ритмы дня и ночи с надеждой найти альтернативы капиталистическому миропорядку⁶, то для Крэри фронта уже нет: в его модели существует единый ритм 24-часовой жизни, где нет четкого разделения на день и ночь – отсюда и подзаголовок «конец сна»⁷.

Роберт Шоу в работе «Night as Fragmenting Frontier: Understanding the Night That Remains in an Era of 24/7» (Shaw 2015b) критикует грубое разделение дневного и ночного времени, которое отражает европоцентричные предрассудки. Шоу также в целом принимает идею ночи как фронта, но не соглашается с Крэри в том, что его освоение уже закончилось. Шоу предлагает использовать термин «фрагментированный фронт» или «контактная зона» – понятия, которые он разрабатывает на основе постколониальной теории: «Сохранение термина “фронт”, но понимание его как “контактной зоны” позволяет нам сохранить представление о ночи как метафоре фронта, но дает потенциально более тонкое и проницательное видение ночного общества». Для Шоу ночной город – это пространство и время, где социальная жизнь устроена особым образом – как совпадающим с капиталистическим миропорядком, так и выбивающимся из него: «Я утверждаю, что недавно фрагментированный фронт ночи свидетельствует как о доминировании дневной капиталистической экспансии, так и о сохранении очагов ночного мира» (Shaw 2015b:640).

В городах этот процесс фрагментации ночного фронта отчетливо виден на примере объекта моего исследования – в пространствах ночной экономики алкоголя и развлечений. Помимо работы Шоу, в области городских исследований еще нет работы, где городская ночь внимательно анализировалась бы как подобная

---

⁶ Надо сказать, что он их нашел – в ритмах природы.

⁷ Название книги в переводе на русский язык звучит как «24/7: Поздний капитализм и цели сна», однако оригинальное «the ends of sleep» можно перевести и как «конец сна», что в целом совпадает с основной идеей Крэри о постепенном подчинении капиталистическим практикам любой человеческой активности – в том числе и сна.

«контактная зона», и в этой статье мне интересно показать, как этот фронтир устроен, кто его продвигает и кто или что охраняет. В следующих частях работы мы рассмотрим, какие ограничения существуют для этого сдвигающегося фронта капиталистического развития не только в пространстве, но и во времени.

НОЧНАЯ ЭКОНОМИКА КАК «СПАСЕНИЕ» ГОРОДСКИХ ЦЕНТРОВ: ФОРМИРОВАНИЕ ЛАНДШАФТА

Понятие «ночная экономика» получило распространение в 1980-е и начале 1990-х годов в Европе в кругах городских планировщиков и менеджеров, а затем уже проникло в исследовательскую литературу⁸. Понятие описывает экономическую активность баров, клубов, кинотеатров, музеев, уличных торговцев, а также другие экономические активности в вечернее и ночное время – обычно в публичных или полупубличных пространствах. Конечно, до 1980-х годов в городах по всему миру в ночное время уже работали бары, пабы, кафе и клубы. Однако появление термина и распространение явления, которое этот термин описывает, связано с набором стратегических мер (policies), направленных на преобразование и интенсификацию ночной жизни с целью развития экономики (Van Liempt, Van Aalst, and Schwanen 2015).

Исследователи связывают эту политику с более широкими процессами деиндустриализации (снижением роли массового производства в экономике), развитием конкуренции между (глобальными) городами, увеличением туристических потоков и неолиберализацией. В один ряд со стратегиями развития ночной экономики можно поставить другие широко распространившиеся идеи решения проблемы упадка городских центров: «креативный город» Чарльза Лэндри ([2000] 2005), «креативный класс» Ричарда Флориды ([2002] 2007) или «город для людей» Яна Гейла ([2010] 2012) – эти и многие другие проекты переустройства центров городов в дальнейшем часто критиковали. Эта часть обзора описывает процесс формирования феномена ночной экономики или так называемую первую волну интереса к городской ночи – как мы увидим далее, наивную и некритичную в отношении возможных последствий подобной политики городского развития. Итак, как, когда и чьими силами развивалась ночная экономика в городах Европы?

Франко Бьянчини – один из авторов стратегии развития сферы ночной экономики в Великобритании – описывает этот процесс в статье 1995 года: «Впервые я услышал о концепции “ночной экономики” восемь лет назад от Ренато Николини, политика, ответственного за организацию Estate Romana, очень успешной летней программы культурных мероприятий городского совета Рима (1977–1985 годы)» (Bianchini 1995:121). Серия мероприятий под названием Estate Romana заключалась в том, что тысячи жителей Рима после полуночи развлекались на нескольких специально спроектированных для этого городских площадках: «Город театра», «Город кино», «Город спорта и танца» и т. д. Идеолог этого проекта Ренато Николини писал о его значении так:

---

⁸ Существуют и другие сходные понятия: «24-hour economy», «late night economy», «evening economy». «Ночная экономика» – наиболее устоявшееся и чаще используемое.

Центральные районы западных городов в дневное время являются офисными и торговыми площадками, а после дневного часа пик становятся похожими на пустыню . . . поэтому так важно усилить ночную экономику города, рассматривая такие виды деятельности, как прогулки и встречи с людьми как потенциально продуктивные с точки зрения создания рабочих мест и увеличения благосостояния (цит. по Bianchini 1995:122).

По мнению Бьянчини, в 1970–1980-е годы подобные же мероприятия и стратегии внедрялись не только в Италии, но и в городах Дании, Швеции, Нидерландов, Германии и Франции. Сам Бьянчини был одним из ответственных за развитие ночной экономики в британских городах.

В Великобритании процесс трансформации городской ночи начался с представленного правительству отчета «Out of Hours: A Study of Economic, Social and Cultural Life in Twelve Town Centres in the UK. Summary Report» стратегического агентства Comedia Consultancy, в котором акцентировалось отсутствие публичной жизни в ночное время во многих городах, которые посетили авторы отчета⁹. У агентства и ассоциированных с ним авторов – в том числе и Бьянчини – была цель: «фреймировать множественность городской ночи под лейблом ночной экономики и отдать приоритет ее экономическим элементам над социально-культурными аспектами. . . . Таким образом, продавалась возможность “удвоить” экономику города, начав, возможно, с развлечений, но затем распространив ее на другие области» – так этот процесс описывает Роберт Шоу (Shaw 2018:70).

Роберт Шоу – уже упомянутый социальный географ ночи – описывает процессы, которые способствовали возникновению сферы ночной экономики в городах Великобритании. Начиная с 1980-х годов законодательство в стране в отношении потребления алкоголя менялось в духе неолиберальной политики. В частности, была разрушена система доминирования шести больших пивоварен, которые сдавали арендаторам около тысячи пабов по всей стране с условием закупки всего алкоголя у них. Вместо этой системы возникло множество холдингов пабов (pubcos), которые совместно с государством вкладывались в развитие новых районов ночной жизни в центральных частях городов.

Еще одна тенденция – алкогольная индустрия была вынуждена пересматривать маркетинг своих продуктов для расширения базы клиентов: в то время пабы считались преимущественно взрослым и мужским местом, женщины туда ходили реже, а молодежная культура Великобритании того времени была ориентирована на танцевальную, экстази- и рейв-культуру. Наконец, в этот момент индустрия алкоголя и развлечений выигрывала от периода общего устойчивого экономического роста в Западной Европе, продлившегося с середины 1990-х до конца 2000-х годов. В этот момент в центры городов вкладывалась значительная часть избыточного капитала, а многие из новых пабов были по сути девелоперскими компаниями, которые рассматривали аспекты своего бизнеса, связанные с продажей алко-

---

⁹ Исследователи в Великобритании одними из первых стали критически рассматривать ночную экономику, поэтому поле исследований ночной экономики развивалось сильнее всего здесь.

голя и отдыхом, как средство получения дивидендов от своих инвестиций (Shaw 2018). Так о периоде начала 2000-х годов пишут Пол Чаттертон и Роберт Холландс – авторы термина «городские развлекательные ландшафты»:

Местное правительство стремится к расширению и космополитизации ночной жизни, многие корпоративные операторы продолжают сосредотачиваться на максимизации прибыли за счет увеличения объема продаж пива, что подрывает попытки создания более терпимых и плюралистических пространств ночной жизни и продолжает усугублять проблемы социального беспорядка (Chatterton and Hollands 2002:111).

Действительно, запустившиеся в это время процессы развития ночной экономики во многом обязаны правительствам, городским менеджерам и ассоциированным с ними консалтинговым центрам, которые реагировали на кризис деиндустриализации экономики и искали пути выхода из него. Однако картина становится несколько неоднороднее, если внимательнее присмотреться, во-первых, ко всем вовлеченным в этот процесс акторам и, во-вторых, ко множеству разных контекстов даже внутри Европы.

Для начала посмотрим на акторов, вовлеченных в процесс развития сферы ночной экономики. В отличие от крупных девелоперских проектов (жилых комплексов, торговых центров или парков аттракционов) ночная экономика с институциональной точки зрения чаще всего представляет собой множество холдингов или независимых заведений (баров, клубов, кинотеатров и т. д.), поэтому сложно представить себе возникновение кластера ночной жизни по заранее четко спланированному сценарию, хотя и такое бывает (Moutaas 2004). Обычно это сложноустроенный процесс, в который вовлечены разные действующие лица. На сегодняшний день существуют попытки осмысления развития подобных коммерческих районов – есть примеры исследований, авторы которых на материалах анализа множества кейсов попытались выявить ключевые процессы и акторов, участвующих в социальном производстве подобного пространства. Так, среди них называют 1) плавающие цены на аренду, 2) стратегии владельцев заведений, 3) стратегии поставщиков, 4) потребительское поведение, 5) локальные законы, 6) отношение соседей, 7) медиарепрезентации. Такое видение «экосистемы» локальных торговых улиц предложено Шэрон Зукин и коллегами в книге «Global Cities, Local Streets: Everyday Diversity from New York to Shanghai» (Zukin, Kasinitz, and Chen 2015). За каждым этим пунктом можно разглядеть определенных акторов, однако авторы сборника напоминают, что и формирование арендной ставки, и поведение потребителей, и мнение соседей – сложноустроенные процессы сами по себе. Уже на этом примере видно, что городские изменения (тот самый сдвиг фронта) держатся не только на силе предпринимателей (капитал) и чиновников (государство), но, например, также на местных жителях и журналистах, которые оказываются не менее значимыми акторами в этом процессе (Zukin 2010).

Если обратиться к контекстам, где ночная экономика сформировалась не только и даже не столько под влиянием неолиберальной политики городских властей (как в случае с Великобританией), то хорошим примером будет Будапешт. В

Будапеште с начала 2000-х годов в районе Эржебетварош (7-й или Еврейский квартал) вокруг улиц Kazinczy и Akasfa начал формироваться кластер ночной жизни в виде руин-баров (или руин-пабов), ставших одной из туристических визитных карточек города – ночных развлекательных заведений, открывавшихся в полуразрушенных исторических зданиях практически без ремонта. Толчок к развитию этого кластера дало открытие в 2002 году первого руин-бара – Szimpla Kert (сначала в одной локации, а потом в другой, но в том же районе).

Рис. 1, 2. Наиболее известный и популярный руин-бар Будапешта Szimpla Kert.
Автор фото: Jorge Franganillo (Creative Commons/flickr), 2016 г.

Как пишут Питер Лугоси, Дэвид Белл и Кристина Лугоси, занимавшиеся исследованием этого кейса, в процессе регенерации 7-го квартала в 1990-е и 2000-е годы «единая стратегия местной власти отсутствовала; более того, местные органы власти имели ограниченные возможности для вмешательства из-за высокой степени приватизации и вытекающей из этого структуры собственности» (Lugosi, Bell, and Lugosi 2010:3084). Однако были и свои ограничения для бурного коммерческого девелопмента: многие здания в этом районе являются памятниками истории и не могут быть с легкостью снесены или адаптированы под нужды крупных девелоперов. Таким образом, как пишут авторы, «возникла экологическая ниша для развития руин-баров» (3081). В другой работе об этом же кейсе Питер Лугоси и Питер Эрдели выделяют несколько акторов, сыгравших роль в развитии кластера: местная власть, которая старалась регулировать рынок (например, с помощью арендных соглашений и лицензирования заведений), культурные комментаторы в локальных медиа, создававших определенный образ руин-баров, местные жители, которые активно заявляли свою позицию в отношении возникающего феномена и, конечно, предприниматели и владельцы баров, с одного из которых и началось развитие района как кластера ночной жизни (Lugosi and Erdelyi 2009).

Как видно и из концептуализации Шэрон Зукин и коллег, из исследований развития сферы в Великобритании и возникновения отдельного кластера в Будапеште, ночная экономика является одной из распространенных форм экономической ревитализации городских центров. Будучи проектом конкретных правительств и властных структур или результатом действия множества акторов городской жизни, она так или иначе активно развивается во многих городах Европы к концу XX и началу XXI века.

НОЧНАЯ ЭКОНОМИКА КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ И КРИТИКИ

Фил Хэдфилд в рецензии на материалы тематического номера журнала «Urban Studies», посвященного исследованиям ночной экономики, схематично разделяет литературу об этом феномене на три основных волны (Hadfield 2015). Первую волну мы рассмотрели выше. Она характеризовалась некритичным менеджерским нарративом, продвигающим развитие ночной экономики и концепции «24-часового города», а также дерегулированием экономической сферы, связанной с производством и потреблением алкоголя. Следствием этой политики стал тот факт, что предприятия, ориентированные на алкоголь, укрепили свое господство и стали отдавать предпочтение пространственно-временной концентрации и вытеснению альтернативных видов использования городского пространства и времени. Надо также сказать, что во многом эта политика была успешна в плане привлечения экономически активных акторов (предпринимателей и посетителей заведений) в центральные районы городов в вечернее и ночное время. Действительно, во многих европейских городах вечерняя и ночная жизнь стала активнее, и особенно в начале этого процесса экономические дивиденды были очень высокими, однако спустя время проявились оборотные стороны политики дерегулирования и поощрения развития ночного досуга.

Вторую волну в исследованиях ночной экономики можно охарактеризовать вниманием к непредвиденным (и часто негативным) последствиям развития этой сферы, а также попыткам контролировать и смягчать эти последствия. Основное противоречие регулирования рассматриваемой сферы – дилемма контроля (control dilemma) (Füller et al. 2018) – заключается в том, что, с одной стороны, расширение активности горожан за пределы дневного времени способствует росту экономики постиндустриального города, но, с другой стороны, создает ряд проблем как для местных жителей, так и для самих пользователей этой сферы. В пользу рыночного разрешения этой дилеммы играют и растущая роль экономики потребления, и увеличивающиеся туристические потоки. Власти опасаются чрезмерно регулировать ночную экономику в значительной степени для сохранения туристической привлекательности (Novy and Colomb 2013). Возникают термины *overtourism* или *anti-tourism*, описывающие негативное влияние туризма и негативное отношение к нему со стороны местных жителей (Perkumienė and Pranskūnienė 2019; Pinke-Sziva et al. 2019). Такая характеристика отражает общую рамку конфликтов между *use value* и *exchange value* в городском пространстве, когда ценность использования пространства для нужд горожан заменяется ценностью прибыли, которую это пространство может принести. Вторая волна исследовательской литературы особенно ценна, поскольку выявляет часть противоречивых аспектов развития ночной экономики; работы в основном посвящены вопросам регулирования ночной экономики с целью смягчения ее негативных эффектов для горожан и анализу результатов таких попыток.

Исследователи выделяют несколько линий напряжения, связанных с городскими пространствами ночной экономики алкоголя и развлечений. Часть проблем касается развития и трансформации городов и отдельных районов в целом: раз-

витие ночной экономики может сопровождаться процессами джентрификации и вытеснения одних групп пользователей другими – чаще всего в литературе описываются процессы вытеснения жителей из менее обеспеченных групп представителями среднего класса (Bourlessas, Senere, and Vanolo 2022) или туристами, например, из-за открытия большого количества хостелов или Airbnb-апартаментов¹⁰ (Wachsmuth and Weisler 2018). Однако в случае развития именно сферы ночной экономики процессы вытеснения приобретают особый и уже меньше связанный с классом характер. Один из интересных аспектов в этом отношении – то, что стимулирование экономической деятельности, связанной с употреблением алкоголя, трансформирует пространство таким образом, что оно зачастую маргинализируется и теряет в стоимости. Успешные в плане привлечения большого количества посетителей точки ночной экономики города создают проблемы с управлением большим количеством людей, чаще всего желающих повеселиться. Проблемы возникают и в городской инфраструктуре, которая не справляется с нагрузкой (водопровод, канализация, мусор, вытяжки и др.), и в иных отношениях: шум, неприятные запахи, неконтролируемое поведение самых разных посетителей заведений (как сформулировано в одной из работ по этому поводу, «шесть пинт лагера или бутылка шампанского создают трансгрессивную фармакологическую и культурную реакцию, не зависящую от класса» (Hayward and Hobbs 2007:452))¹¹. Все это вызывает часто описываемый конфликт местных жителей и представителей индустрии. Такие конфликты хорошо видны в российском медиаполе, например, в обсуждении кейсов Патриарших прудов в Москве или улицы Рубинштейна в Санкт-Петербурге.

Рис. 3, 4. Таблички у питейных заведений на улице Рубинштейна в Санкт-Петербурге, призывающие посетителей соблюдать тишину и не курить под окнами жильцов.
Фото автора, 2021 г.

Далее я сосредоточусь на части выделенных проблем и опишу несколько исследованных коллегами кейсов проблемного развития ночной экономики, чтобы показать, как по-разному могут формироваться и в конце концов (не) разрешаться

¹⁰ Airbnb – международная онлайн-площадка для размещения и поиска краткосрочной аренды частного жилья.

¹¹ С этим тезисом нельзя полностью согласиться, поскольку влияние социальных факторов все же существенно.

подобные конфликты, а затем вернуться к тому, как сфера ночной экономики в целом и конфликты внутри нее могут регулироваться¹².

Коллектив авторов проекта «География ночного города» (*Geografías de la Ciudad Nocturna*) рассматривает, как Airbnb-туристификация, а также шум барных улиц и ночных вечеринок создают проблемы для жизни и мирного сосуществования разных социальных групп в одном из районов Барселонеты (Барселонеты). Первая часть исследования – историческая реконструкция, представляющая, как во второй половине XX века Барселонета стала районом, ориентированным на отдых, развлечения и туризм. Во второй части, основанной на этнографическом материале, авторы пытаются зафиксировать «диапазон различных голосов, историй и дискурсов, созданных и воспроизведенных различными субъектами, затронутыми и/или участвующими в недавней туристификации Барселонеты» (Nofre et al. 2018:2).

Рис. 5. Барселонета в дневное время.

Автор фото: Dronepicr (Creative Commons/
flickr), 2021 г.

Рис. 6. Барселонета ночью, во время
городского праздника La Mercè.

Автор фото: Manel Subirats (Creative Commons/
Wikimedia), 2018 г.

Авторы говорят, что туристификация Барселонеты в 1990-е годы приводит к постепенному вытеснению жителей из рабочего класса и заселению в этот район более обеспеченных жителей – типичный пример джентрификации (большую роль в этом процессе играла подготовка города к проведению Олимпиады 1992 года). Против этих процессов уже выступали многие старожилы района, но в районе появились и проблемы, связанные с ночной экономикой. Процесс развития ночной экономики начался в 1997 году с открытием дискотеки *Vaja Beach Discotheque*, ночных баров на авеню *Joan De Borbo*, а также нескольких круглосуточных магазинов, где люди могли покупать алкогольные напитки, чтобы допоздна выпивать их на пляже. Около 2–3 часов ночи заведения закрывались, а веселая публика продолжала тусоваться и в глубине района. Это очень характерный при-

---

¹² Еще один выделяемый исследователями набор проблем, о котором мы будем говорить чуть меньше, сосредоточен вокруг внутренних конфликтов рассматриваемой сферы: сексуальные домогательства и насилие в барах и клубах, криминализация индустрии, классовое, расовое и гендерное неравенство и другие аспекты поведения и исключения (exclusion) в таких пространствах.

мер того, как местные жители лишаются привычной им инфраструктуры, на смену которой приходит инфраструктура для туристов и тусовщиков (о процессах вытеснения см. Davidson 2009)¹³. Этот процесс очень хорошо был описан еще у Питера Маркузе на примере Нью-Йорка: «когда семья видит, как резко меняется район вокруг нее, когда их друзья уезжают из района, когда магазины, которые они любят, ликвидируются, а их места занимают новые магазины для других клиентов . . . тогда особенно сильно чувствуется *давление вытеснения* [pressure of displacement]» (Marcuse 1985:207; курсив добавлен).

В интервью, собранных авторами исследования Барселонеты, постоянно упоминались «старые добрые времена», когда район был спокойным и тихим местом. В заключение статьи авторы дают рекомендации, предлагая часть городского планирования спустить на уровень муниципалитета, чтобы при планировании учитывались потребности жителей района и посетителей его из разных групп: и местных жителей, и туристов, и ночных гуляк. На этом примере хорошо видно, что в процессе развития ночной экономики в одном из районов Барселоны переплетаются несколько социальных конфликтов: это и классовый конфликт, то есть конфликт между старожилами района (скорее представителями рабочего класса) и новыми, приходящими им на смену более обеспеченными группами, и конфликт использования пространства и времени, то есть противостояние потребительской и жилой функций района.

Похожий, но в каком-то смысле обратный пример напряжения, вызванного ночной экономикой и туризмом, мы находим в статье, написанной другим подразделением все той же испанской группы изучения ночных городов – теперь в Мадриде. Авторы исследуют «ряд напряженных ситуаций, недавно возникших в районе Ла Латина из-за конфликтного сосуществования между медленными и локально ориентированными повседневными практиками и быстрой колонизацией этого центрального квартала Мадрида неолиберальной экономикой “туристического города”» (Aramayona and García-Sánchez 2019:380). В статье показывается, как давние жители района, принадлежащие к среднему классу, воспроизводят исключаящие нарративы против быстрого расширения недорогой туристической ночной жизни, одновременно выступая за цивилизованный и самобытный туризм. И мы уже из этого короткого описания видим, что здесь ситуация несколько меняется, поскольку теперь средний класс, то есть сильная группа – это местные жители, которые не пускают «недорогой туризм и ночные развлечения» в свой район¹⁴.

Район Ла Латина, о котором идет речь в статье, сформировался в качестве пространства ночной экономики и туризма в начале 2000-х годов во многом благодаря музыкальным фестивалям, которые там проводились (здесь снова заметна

---

¹³ Вероятно, кто-то из местных жителей и пользовался клубами, барами и ночными магазинами, однако не каждый день. Более того, авторы пишут, что местные жители, которые раньше ходили по местным барам, теперь туда не ходят из-за изменившихся условий, атмосферы и ориентации этих заведений на другую публику.

¹⁴ Подобную картину можно наблюдать на Патриарших прудах – в дорогом районе Москвы, в выходные дни по ночам заполненном туристами и тусовщиками, против которых довольно успешно объединяются жители – представители среднего и высшего среднего класса.

роль фестивалей и мегасобытий в трансформации ночного ландшафта городов). Реакция местного населения не заставила себя долго ждать, и уже в 2006 году ассоциация жителей, состоящая в основном из взрослого и пожилого населения, осудила превращение Ла Латины в «алкогольный район», стала жаловаться на шум и грязь, исходящие от «дешевых заведений» с «дешевыми людьми». Возникли также нарративы о «неподобающем поведении» в публичных местах и моральные паники относительно «алкогольной культуры» в целом. На специально созданных местными жителями сайтах продвигались нарративы об утрате традиционной идентичности этого района. Это достаточно характерный пример классовых дискурсов вокруг районов ночной экономики: представители среднего класса как среди резидентов, так и в более широком медиапространстве осуждают паттерны употребления алкоголя среди рабочего класса и молодежи в центральных районах города, заявляя право на эти пространства в соответствии со своим стилем и своими ценностями (Hubbard 2017).

Основной тезис авторов статьи состоит в том, что, с одной стороны, использование аргумента про «городскую деревню» или «старый добрый район» содержит в себе потенциал против коммерциализации пространства силами акторов ночной экономики, однако в то же время скрывает логику социального исключения, сегрегации и секьюритизации пространства, часто основанной на классовых различиях (Araguona and García-Sánchez 2019).

Из приведенных выше примеров становится понятно, как ночная экономика, изначально воспринимавшаяся как удачное решение проблем опустения городских центров, становится серьезной проблемой для городских управленцев. Причем подобные городские изменения сопровождаются и многочисленными классовыми конфликтами, связанными с джентрификацией или секьюритизацией района, и конфликтами за использование пространства и времени, связанными с шумом, запахами, курением и т. п. Но как эти проблемы решаются?

Если попытаться обобщить тренды, наблюдаемые во многих европейских городах, которые столкнулись с проблемами контроля, джентрификации или рассогласования жилой и развлекательной функции городских центров, то, несколько упрощая, можно сказать, что первоначальный энтузиазм в отношении ночной экономики достаточно быстро сменился другим полюсом – запретами на ночную работу для заведений, ограничениями алкогольного лицензирования, усиленным полицейским патрулированием, установкой видеочкамер и другими приметами секьюритизации (Hadfield 2015; Seijas and Gelders 2021). Эти меры сильно отразились на состоянии индустрии. Характерны примеры Лондона и Сиднея, до определенного момента являвшихся центрами ночной жизни: «эта политика также связана с исчезновением традиционных заведений в таких городах, как Лондон, который потерял более половины своих ночных клубов в период с 2005 по 2015 год . . . и Сидней, где 176 заведений закрылись в результате введения закона о локауте¹⁵ в 2014 году» (Seijas and Gelders 2021).

---

¹⁵ Серьезные ограничения на работу заведений ночной экономики, ограничения часов работы и продажи алкоголя, введенные после гибели двух молодых людей в 2012 и 2013 годах в результате нападений.

Отчасти в ответ на эти суровые меры, а отчасти в силу других внутренних обстоятельств в некоторых городах начинают возникать новые формы управления ночной жизнью. Так, в управленческих структурах многих городов возникает и широко распространяется затем в мировой практике фигура «ночного мэра». Ночные мэры, которых называют также «ночными менеджерами» или «ночными царями» – это избираемые или назначаемые управленцы, которые должны служить связующим звеном между заведениями ночной жизни, горожанами и местными органами власти. Впервые появившись в начале 2000-х годов в Берлине и Амстердаме, за 15–20 лет эта должность теперь существует более чем в 40 городах по всему миру (Seijas and Gelders 2021). Ночной мэр теперь есть и в России – первым городом, в управленческих кругах которого была введена эта позиция, стала Казань.

Андрейна Сейджас и Мирик Милан Гелдерс попросили ответить на разные вопросы о самой этой роли 35 ночных мэров, а также взяли интервью у 6 экспертов, которые занимаются изучением или продвижением этой практики. В итоге исследователи выделили четыре основных тренда в том, как мэры влияют на ночные города:

- 1) создание институционального пространства для обсуждения городской ночи;
- 2) экспериментирование в сфере управления ночным городом и внедрение более творческого подхода к регулированию и лицензированию;
- 3) защита ночной жизни как формы культуры;
- 4) создание более инклюзивных пространств в ночном городе (чаще всего для ЛГБТК+, женщин и ночных работников).

Несмотря на то, что в целом авторы исследования, как кажется, позитивно оценивают роль ночных мэров, весь анализ говорит о том, что у многих ночных мэров нет необходимых полномочий и финансов и что эта позиция еще далека от того, чтобы серьезно влиять на регулирование, лицензирование и управление ночными городами (Seijas and Gelders 2021).

Последний любопытный пример решения проблем ночной экономики, который я приведу в этой части работы, заключается скорее даже в «отказе от решения» этих дилемм. В статье «Manufacturing Marginality: (Un-)governing the Night in Berlin» коллектив авторов анализирует процесс эффективного «не-регулирования» или «не-управления», (un-)governing, конфликтным пространством ночного района Фридрихсхайн-Кройцберг в Берлине (Füller et al. 2018). Проблемы в этом известном районе ночной жизни Берлина нам уже знакомы: шум, мусор, запахи, публичная уринация – типичные для ночной экономики конфликты между местными жителями и представителями ночных индустрий, которые мы рассматривали выше. Для решения этих проблем коалиция из нескольких бизнес-групп (отели, музыкальные клубы, ресторанные холдинги), государственной туристической организации и местного районного правительства создала проект fair.kiez – «справедливый район», который стал ключом к эффективному «не-управлению» проблемой.

Рис. 7. Посетители фестиваля MyFest, который с 2003 года ежегодно проводится в берлинском районе Фридрихсхайн-Кройцберг в период майских праздников. Автор фото: Alexandre Baron (Creative Commons/flickr), 2007 г.

В первую очередь коалиция сформировала определенный консенсус относительно проблемы, который состоял из трех частей: 1) «Ночная индустрия Берлина – это исключительно выгодная сфера, приносящая городу много денег»; 2) «Берлин – контркультурный город, которому требуется креативное решение, а не строгие запреты»; 3) «Для этой проблемы не существует легкого решения, поэтому в первую очередь нужно подключить к ее осмыслению самые разные группы» (Füller et al. 2018:29).

После того, как все заинтересованные группы начали воспринимать проблему более или менее одинаково, следует второй шаг – это маргинализация проблемы, которая также имела три составляющих: 1) локализация, то есть определение конкретных точек на карте, где проблема стоит острее всего; 2) обвинение специфических групп (в этом случае такой группой были гуляющие туристы, то есть не участвующие в жизни города на постоянной основе акторы); 3) символическое решение (было решено сделать арт-проект, освещающий все стороны конфликта). В конце концов авторы приходят к выводу, что их кейс показывает эффективный способ решения проблемы через ее «не-регулирование» или «не-решение» по-настоящему – и эта практика играет на руку бизнес-группам, которые, проведя работу по созданию консенсуса и маргинализации проблемы, в конечном итоге отделались созданием сайта и рядом символических решений, тогда как шум, мусор, неприятные запахи и пьяные посетители заведений из района никуда не делись.

Исследование проекта fair.kiez призвано заострить внимание на том, что очень часто современные решения проблем ночной экономики (ночные мэры или очень симпатичные арт-проекты вроде fair.kiez) только на первый взгляд кажутся оригинальными, но если внимательнее посмотреть на развертывание этих решений в конкретных обстоятельствах, станет понятно, что решения оказываются лишь символической маскировкой для экономических интересов представителей ночных индустрий.

Однако надо сказать, что ночная экономика состоит не только из конфликтов между жителями и ночными заведениями и попыток решить эти вопросы силами бизнес-групп или правительства города – это еще и то, что непосредственно происходит с посетителями конкретных заведений.

ПЕРСОНАЖИ НОЧНОЙ ЖИЗНИ: КАК ВОЗНИКАЮТ ПОТРЕБИТЕЛИ НОЧНЫХ РАЗВЛЕЧЕНИЙ

Описанные выше характеристики пространств ночной экономики обосновывают лишь часть интереса к изучению этого феномена в исследовательской литературе. Значительная часть работ фокусируется на связи широких процессов развития городов (идеологии, регулирование) с непосредственными эффектами этих процессов на уровне человека – его каждодневных взаимодействий и испытываемых эффектов. В этой части мне интересно, рассмотрев исследовательскую литературу, показать, каким образом те широкие процессы развития пространств ночной экономики, о которых мы говорили выше, влияют на повседневные практики посетителей, сотрудников и жителей, то есть показать, как устроен фронт ночного города на микроуровне.

В книге Роберта Шоу «Ночной город» предлагается любопытный анализ ночных пространств, связанных с развлечениями и потреблением алкоголя (Shaw 2018). Шоу упоминает уже рассмотренные нами трансформации ночной жизни в глобальных городах. Речь идет об интенсификации ночной жизни в центрах городов, то есть о появлении большего количества баров, клубов, ресторанов и другой инфраструктуры ночных развлечений; промоутировании ночного города и ночного образа жизни в туристических целях и в целях экономической регенерации городских центров. Для всего этого, пишет он, необходимо создание «правильных» субъектов, то есть «людей, которые стремятся потреблять и тратить деньги на еду, алкоголь и танцы, не прибегая к насилию и не впадая в состояние сильного опьянения» (Shaw 2018:73). Шоу называет этот процесс «машиной по производству субъектов». В данном случае этот процесс по формированию «правильных субъектов» в пространстве ночной экономики на микроуровне чаще всего сопровождается действиями предпринимателей, которые непосредственно и формируют повседневный опыт тех, кто находится в клубе или на барной улице. Формировать этот опыт можно с помощью эмоциональных и аффективных техник, которые мы и рассмотрим в этой части статьи.

Шоу перечисляет элементы, которые вместе создают городскую публичную ночь – аффекты, дискурс, материальность и др. Он разбирает этот процесс с помощью понятия аффективной атмосферы или «ассамбляжа, получившего контроль над определенным пространством и временем» (Shaw 2018:75).

Аффективные атмосферы – это класс опыта, который возникает одновременно с формированием субъектности, формируется с помощью человеческих и нечеловеческих материальностей, а также преодолевает различия субъекта и объекта. . . . Таким образом, атмосфера – это общая почва, из которой возникают субъективные состояния и сопутствующие им чувства и эмоции (Anderson 2009:78).

Ассамбляжный подход является частью концептуальной рамки многих современных исследований – и именно с методологической точки зрения. Атмосфера – очень близкий к этому подходу термин, схватывающий аффективные, материальные и телесные аспекты ассамбляжа (или сборки) ночной жизни. В работе «Beyond Night-Time Economy: Affective Atmospheres of the Urban Night» (2014) Шоу показывает, что применение понятия атмосферы, понятой как *placed assemblage*, дает в понимании ночной экономики. В частности, важны сами вопросы, которые оптика ассамбляжа ставит: «Как объекты, агенты, аффекты и дискурсы совмещаются . . . как находят физическое пространство для выражения?» (Shaw 2014:3). Шоу в своем исследовании показывает, как генерируется атмосфера ночного города в британском Ньюкасле. Для него важны несколько категорий ассамбляжного урбанизма.

Во-первых, создание границ – «это те практики, которые . . . приземляют ассамбляж на той или иной территории, а именно связывают тела вместе, создавая пространственную близость, необходимую для атмосферы» (Shaw 2014:9). Музыка из баров или освещение позволяют, по мнению Шоу, скрепить атмосферу пространства ночных развлечений. Еще один пример этого процесса Шоу приводит, рассматривая такси:

Такси вносят значительный вклад в установление временных границ в ночном городе. В начале ночи такси позволяют людям добраться до центра города относительно поздно, выпив в другом месте. Это немного отодвигает временную границу ночи – позволяет людям прибывать в центр города позже. Как таковые эти практики способствуют возникновению гибкой атмосферы, но такой, которая усиливается в пределах небольшого времени-пространства. Таким образом, это усиливает силу атмосферы ночного города, собирая тела вместе за достаточно короткий промежуток времени, чтобы позволить атмосфере центра ночного города укрепляться (10).

Рис. 8. Такси на улице Рубинштейна в Санкт-Петербурге. Фото автора, 2021 г.

Интересно, что на примере такси Шоу рассматривает и другую практику – нарушение ассамбляжа, возникающее, вероятно, в зависимости от того, как именно и когда пользуются такси. Надо сказать, что в упомянутой выше статье Андрея Возьянова примерно в тех же категориях анализировался общественный транспорт, он рассматривался как то, что способствует или препятствует созданию определенных практик или связыванию территорий (Возьянов 2019).

Следующая категория создания ассамбляжа – поддержание: «В контексте формирования атмосферы такими практиками являются те, которые либо выполняют определенную функцию, помогающую атмосфере сохраняться, либо дискурсивно отмечаются определенным образом, чтобы способствовать восприятию атмосферы» (Shaw 2014:10). Пример у Шоу связан с тем, что можно было бы также назвать инфраструктурой городской ночи:

Уборщики берут на себя роль поддержания алкогольной индустрии и индустрии досуга, включая эти материалы [упаковки, разбросанные листовки и другой мусор] в различные системы управления отходами. В сочетании со своими транспортными средствами Swingo [мусороуборочный транспорт] уборщики образуют машину для удаления отходов ночной индустрии алкоголя и развлечений (11).

Несмотря на то, что, на мой взгляд, аналитические категории в ассамбляжном подходе, который применяет Шоу, не всегда удачные, сама постановка вопроса позволяет значительно расширить анализ за пределы кажущейся всеобъемлющей метафоры ночи как фронта и понять, из чего складывается ассамбляж ночной экономики.

Другим примером подобного внимания к аффективной составляющей создания ночной экономики является развитие района ночных развлечений Бейоглу в Стамбуле, которому посвящено несколько исследовательских работ. В статье «Neoliberalization of Istanbul's Nightlife: Beer or Champagne?» демонстрируется, как неолиберальная идеология развития Стамбула работает «на земле» (Eder and Öz 2015). Важная предпосылка состоит в том, что городские пространства ночных развлечений – это не простое отражение неолиберализации, коммерциализации или туристификации, а составные части этих процессов. Авторы говорят о том, что до недавнего времени разнообразный в плане ночной жизни район Бейоглу начал меняться: убирают хаотично расставленные столики с улиц и заменяют их на оформленные веранды; в некоторых заведениях выставляют фейс-контроль, а общая политика администрации района состоит в «очищении» района и привлечении туда новых, более состоятельных посетителей, туристов и жителей. Неолиберальная логика развития города выражается как в высказываниях главы администрации, в медиaprостранстве, так и в инфраструктуре ночной жизни (веранды, фейс-контроль).

Рис. 9. Уборка улиц в 08:45 в одном из самых оживленных кластеров ночной жизни Бейоглу.
Фото автора, 2021 г.

В другой посвященной Бейоглу статье Хактан Урал рассматривает процесс создания «правильных неолиберальных субъектов» на микроуровне (Ural 2017)¹⁶. Автор выявляет способы, которыми в ночной жизни района Бейоглу формируются «желательные» (affiliated) и «маргинальные» (marginalized) группы и практики. Один такой способ – на уровне продвижения района в СМИ и заявлений чиновников, а также в речи владельцев заведения (и их посетителей) и в интерьере: «“Желательные” позиции относятся к тем, которые отмечены различными аффективными регистрами “желательности”, “безопасности”, “праздничности”, “гламура” и “привлекательности”, в то время как “маргинальные” позиции относятся к тем, которые не отмечаются таким образом» (Ural 2017:4).

Приведем высказывание владельца одного из заведений в Бейоглу:

Мы предлагаем еду и вино хорошего качества. Это, в свою очередь, привлекает определенный профиль клиентов. До того, как я начал здесь работать, были разные группы клиентов. Цены были низкими, но и качество обслуживания было довольно низким. Я все это изменил: цены выросли, меню изменилось, и поэтому мы постепенно начали привлекать людей, которые заслуживают того, чтобы быть здесь (Ural 2017:5).

---

¹⁶ Неолиберализм в понимании Мишеля Фуко (это лишь одно из определений) представляет собой «политическую рациональность, которая создает и продвигает определенные субъективности, . . . способы, которыми системы управления стремятся упорядочить и контролировать использование людьми ресурсов, пространственных практик, способов действия, способов мышления и так далее» (цит. по Ural 2017:2).

Рис. 10. Перед входом в одно из заведений в Бейоглу. Некоторые люди ждут в очереди, но большинство проводят время на улице. Фото автора, 2021 г.

На нескольких примерах Урал показывает, как дискурсы «отвращения» и «страха», с одной стороны, маркируют «маргинальных» субъектов и нежелательное поведение в пространствах ночной экономики, а с другой стороны – совпадают с неолиберальным развитием района в сторону чистого (sanitized), привлекательного, гламурного и дорогого.

Последнее исследование, которое важно упомянуть, основано на сравнении эмоциональных регистров разных городских мест досуга и развлечений. Это исследование Фила Хаббарда, выполненное еще в 2000-е годы и изложенное в статье «The Geographies of 'Going Out': Emotion and Embodiment in the Evening Economy» (Hubbard 2007). Хаббард анализирует сферу экономики развлечений в английском Лейчестере, где существуют как внегородские развлекательные пространства (типичный пример – торгово-развлекательные центры), так и досуговые пространства, характерные для центра города, типичным примером в статье выступают барные улицы. Задача автора – выделить особенности восприятия и отношения к тому и другому виду досуга, сравнить эти виды.

Основным источником выступают интервью, хотя автор и подчеркивает, что этот метод позволяет увидеть лишь часть картины. Главный вывод работы состоит в том, что места вроде торгово-развлекательных центров воспринимаются как такие, где легче контролировать ситуацию, где комфортнее и спокойнее, но тем не менее есть возможность испытывать разного рода наслаждения. Городской центр,

напротив, воспринимается как более «сложное» и непредсказуемое пространство, где границы собственного тела (*embodied self*) часто нарушаются – в желаемом и нежелательном ключе.

Хаббард интерпретирует это различие с помощью концептуального аппарата Эрвина Гофмана. В частности, он пользуется понятием «вежливое невнимание» (*civil inattention*), то есть такое поведение в публичных местах, которое предполагает демонстрацию осведомленности о присутствии окружающих, но не активное взаимодействие с ними (Гофман [1963] 2017:155–161). Примерами могут быть еле уловимые элементы поведения вроде быстрых взглядов или кивков, коротких приветствий, жестов или, может, и вовсе почти незаметных взглядов в сторону незнакомцев. Для развития идей Гофмана Хаббард ссылается на другого автора – Зигмунта Баумана и его концепцию «*public non-civil spaces*» (Bauman 2000). Этим термином Бауман описывает такие пространства, где социальность имитируется, происходит действие, но не взаимодействие (или не-социальное действие), где нет необходимости выстраивать границы собственного «я» (*self*). Типичные примеры для Баумана – пространства потребления. Такими пространствами являются торгово-развлекательные центры, где люди скорее смотрят и выбирают, но не взаимодействуют друг с другом. Напротив, пространства барных улиц наполнены не просто взглядами, а иногда агрессивными взглядами, толчками, общением – и часто все это с незнакомыми людьми. Как пишет Хаббард, ссылаясь на своих информантов, в таких пространствах может быть гораздо менее комфортно и спокойно (а иногда рискованно), но зато больше взаимодействий и случайных встреч с незнакомцами. Интересно, что и те, и другие места предполагают потребление и встраиваются в экономическую жизнь города, но досуговое поведение в них сильно отличается.

Субъекты ночной экономики могут создаваться и общими характеристиками ночи как пространства-времени, и вполне определенными и управляемыми элементами заведений ночной экономики. Как пишет Роберт Шоу (2018), ночью человеческие тела более подвержены аффектам, во-первых, из-за того, что ночью мы сталкиваемся с меньшим количеством людей, поэтому те интеракции, которые случаются, более интенсивны, во-вторых, потому что особая игра света и темноты уменьшает силу визуально определяемых границ вокруг себя. Среди более конкретных практик по созданию нужной аффективной атмосферы Шоу перечисляет манипуляции со светом, звуком и потреблением алкоголя – такие практики меняют способы интеракции между людьми. В данной дискуссии приговорается логика ассамбляжного подхода, которая позволяет уловить все эти практики и несколько усложнить фронтир ночного города, разобрав его на фрагменты (*fragmented frontier* по Шоу). Так, Бен Мальбон (Malbon 1999) фокусируется на клубном досуге в Великобритании, указывая на то, что материальное окружение, свет, музыка и декорирование клуба усиливают желание (*heighten desire*), создавая особую атмосферу в клубе. О подобных же манипуляциях пишет и Найджел Трифт в книге «*Non-representational Theory: Space, Politics, Affect*»: «Все чаще городские пространства и время проектируются так, чтобы вызывать аффективную реакцию» (Thrift 2008:187).

Рис. 11. Бар «Анонимное общество усердных дегустаторов» на улице Рубинштейна в Санкт-Петербурге. Фото автора, 2021 г.

В этом отношении важно обсудить работу Фредерика Бёлинга «*Alcoholic Assemblages: Exploring Fluid Subjects in the Night-Time Economy*», в которой автор описывает ассамбляжи употребления алкоголя в трех клубах по итогам 12-месячного этнографического исследования (Bøhling 2015). В статье много интересных наблюдений и выводов, суждений о том, что такое опьянение, чем оно вызывается и на что влияет (очевидные ответы здесь автором не принимаются), но мне важно отметить, что Бёлинг призывает включать в анализ множество разных ситуативных факторов, создающих ассамбляжи опьянения и влияющих на способность человека действовать. Среди них, конечно, есть употребление алкоголя, но также и приглушенный свет, громкая музыка, взаимодействия в компании людей, ритуалы поднятия бокалов («cheers»), танцы и другие вещи, в том числе и те, что намеренно создаются авторами клубов. Уже в следующей своей работе Бёлинг с соавтором Себастьяном Тютанжем исследуют, как специальные предложения и скидки, техники барменов, девайсы для быстрого выпивания (например, пивные башни или бир-понг) и архитектурные элементы создают «устойчивые атмосферы алкогольного потребления в заведениях, нацеленных на молодых посетителей» (Tutenges and Bøhling 2019:15). Авторам интересно понять, как с помощью этих вещей и практик пабы, бары и ночные клубы стимулируют употребление алкоголя и тем самым повышают продажи.

Тютанж написал диссертацию и несколько статей о ночных развлечениях молодых датских туристов на международном молодежном курорте Sunny Beach в Болгарии (Tutenges 2010, 2013). В работе «*Stirring Up Effervescence: An Ethnographic Study of Youth at a Nightlife Resort*» он приводит обзор литературы о молодежи в туристических местах ночных развлечений (young nightlife tourists), обобщая ее так: «В целом исследовательская литература изображает молодых ноч-

ных туристов как искателей удовольствий, которые хотят выйти за пределы повседневной рутины в состояние возбуждения и некоторой степени (само)разрушения» (Tutenges 2013:235). Кроме того, Тютанж указывает на то, что молодежь не случайно и не спонтанно так описывается – есть много факторов, влияющих на это:

Однако рискованное поведение не следует интерпретировать как легкое или спонтанное проявление со стороны изначально развращенной молодежи. . . . Скорее, риск возникает из-за сложного набора факторов, которые в совокупности уведат туристов от ограничений повседневной жизни в праздничное состояние (235).

Вопрос в том, как индустрия ночного развлекательного туризма помогает молодым людям получить удовольствие и выйти за пределы рутины? Тютанж пользуется термином Эмиля Дюркгейма «бурление» (collective effervescence), используя его для обозначения состояния «повышенной интерсубъективности, отмеченной сильными эмоциями, сильным чувством общности и актами трансгрессии» (Tutenges 2013:239). Автор анализирует работу гидов на курорте Sunny Beach, предоставляющих такого рода «поддержку» молодым туристам. Гиды встречают гостей в аэропорту, провожают в отели, проводят по городу, организуют алкогольные игры, увлекают в танцы и песни, но и следят, чтобы никто не пострадал от всех этих увеселений. Тютанж выделяет четыре базовых техники, которые наиболее важны в этом процессе (и чаще всего используются одновременно): 1) телесные техники, 2) речевые и звуковые эффекты, 3) эффекты толпы, 4) алкоголь.

Если бы Тютанж, даже применяя тонкий этнографический исследовательский аппарат, остановился только на известной критике коммерциализации опыта молодежных развлечений, то его работы заслуживали бы меньше места в этом обзоре. Однако его критический взгляд как на речь своих информантов и их действия, так и на сами критические исследования ночной экономики делает его подход особенно ценным. Приведу довольно объемный фрагмент из его работы, показывающий внимательное отношение автора и к социальному производству пространства, и к социальному конструированию, и к поиску контекстуальных оснований того или иного процесса, и к вниманию к нарративам участников происходящего:

Многие ученые показали, что современная среда ночной жизни, такая как Sunny Beach, подвергается сложному регулированию коммерческими силами: будь то реклама напитков, оформление зала, униформа барменов или поведение вышибал, все тщательно продумано, чтобы максимизировать прибыль. Кому-то может нравиться эта коммерциализация, а может и не нравиться, но в любом случае важно признать, что такая ночная жизнь может приносить массу удовольствия. Все регулирование и зарабатывание денег не исключают моментов приятного расслабления. . . . Мои данные по Sunny Beach показывают, что молодым людям нравится упакованное шипучее пиво, которое они покупают в туристических агентствах. Эти молодые потребители не возражают против того, что их излишества подпитываются и эксплуатируются корпорациями. Для них важно достичь состояния «бурления» по разумной цене (Tutenges 2013:245).

Итак, в этой части работы было показано, каким образом «ночной фронтир» может быть устроен на микроуровне человеческих взаимодействий и какие концептуальные инструменты пригодны для такого анализа. При этом важно подчеркнуть, что, если некритично пользоваться предложенной в начале работы метафорой ночи как фронта и воспринимать развитие сферы ночных развлечений и все процессы, происходящие в ней, только как часть действия экономических сил, захватывающих все большие территории и меняющие городскую темпоральность, упускаются из виду очень многие важные аспекты. Смотреть на пространства досуга как на пространства производства и потребления чего-либо – не всегда продуктивная стратегия исследования (Graeber 2011; Tutanges 2013). Городская ночь, безусловно, меняется под воздействием современных капиталистических и неолиберальных логик развития территорий и общественных отношений, однако сводить все многообразие ночного опыта к этим процессам было бы большим упущением.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: НОЧНАЯ ЭКОНОМИКА КАК «АРХИПЕЛАГ» ИССЛЕДОВАНИЙ НОЧИ

Исследования ночи и ночного города – как я уже говорил, бурно развивающееся поле. Приглашение к участию в Международной конференции по исследованиям ночи в 2022 году начиналось так: «Было бы не слишком опрометчиво утверждать, что мы являемся свидетелями наступления “золотого века” ночных исследований»¹⁷. Представленный обзор исследований ночной экономики в европейских городах продемонстрировал несколько важных составляющих развития этого поля. Так, мы рассмотрели поэтапное развитие дисциплинарного поля: от некритического энтузиазма в отношении развития ночных развлечений до серьезных попыток разрешить противоречивые аспекты бума ночных индустрий во многих городах Европы. Мы увидели несколько возможных концептуальных моделей, используемых в эмпирических исследованиях: от метафоры ночи как фронта капитализма до ассамбляжного подхода и исследования аффективных атмосфер городской ночи. Наконец, мы рассмотрели конкретные исследования разнообразных географических контекстов – сфера ночной экономики, хотя и со своими особенностями, но развивается во множестве городов мира, и российские города тут не являются исключением.

Обзор в основном был сконцентрирован на одном из самых широко изученных направлений в более масштабном поле исследований ночи – на исследованиях ночной экономики алкоголя и развлечений. На сегодняшний день исследователи по всему миру рассматривают ночь как очень сложный феномен, соединяющий не меньше аспектов социальной жизни, чем любой другой не-ночной контекст. Ночная социальная жизнь не сводится к активности баров, клубов и ресторанов. Люк Гвиадзински называет такие пространства ночной экономики «архипелагами ночи», то есть теми местами, где социальная жизнь виднее, однако она ими не ог-

---

¹⁷ См. сайт International Conference for Night Studies (ICNS.LX2022): <https://icnslx.com/icns-lx-2022/>.

раничивается (Gwiądzinski 2005). Поле исследований ночи включает в себя изучение влияния инфраструктур ночного города на экологию; анализ труда уборщиков, сотрудников газовых и электрослужб; рассмотрение меняющейся эстетики ночного города; исследование того, как ночь переживается в не-публичных, домашних пространствах и многое другое.

Поле исследований ночи и ночного города все еще растет, темы и новые оптики будут появляться все чаще. Представленный обзор – можно сказать, «архипелаг» исследований ночи, который, как я надеюсь, подтолкнет социальных ученых к новым исследованиям и предоставит уже имеющиеся в мировой науке инструменты для «полного погружения в ночную жизнь».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрехимова, Александра. 2007. «Петербургские диджей бары как объект социологического анализа». *Журнал социологии и социальной антропологии* 10(1):114–121.
- Вилейкис, Александр и Полина Ханова. 2021. «Город-гиперобъект. Введение». *Городские исследования и практики* 6(4):7–16. <https://doi.org/10.17323/usp6420217-16>.
- Возьянов, Андрей. 2019. «Общественный транспорт и политики частей суток: об исчезающем вечере большого города». *Этнографическое обозрение* 3:27–41. <https://doi.org/10.31857/S086954150005296-5>.
- Гейл, Ян. [2010] 2012. *Города для людей*. М.: Альпина Паблишер.
- Горбачев, Александр. 2021. *Не надо стесняться. История постсоветской поп-музыки в 169 песнях 1991–2021*. М.: Институт музыкальных инициатив.
- Гофман, Эрвин. [1963] 2017. *Поведение в публичных местах. Заметки о социальной организации сборищ*. М.: Элементарные формы.
- Данн, Ник. [2016] 2021. «Патология городской ночи». *Городские исследования и практики* 6(4):56–64. <https://doi.org/10.17323/usp64202156-64>.
- Долженкова, Марина. 2016. «Сущность и специфика феномена клуббинга в современной досуговой культуре». *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки* 11(163):82–88. [https://doi.org/10.20310/1810-0201-2016-21-11\(163\)-82-88](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-82-88).
- Дуков, Евгений, ред. 2005. *От заката до рассвета. Ночь как культурологический феномен. Сборник статей*. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Дуков, Евгений, ред. 2009. *Ночь: Ритуалы, искусство, развлечения. Глубины темноты. Сборник статей*. М.: URSS, Ленанд.
- Дуков, Евгений. 2012. «Ночная культура. Освоение новых пространств, жанров и форм». *Художественная культура* 2(3). <https://artculturestudies.sias.ru/2012-2/prikladnaya-kulturologiya/593.html>.
- Желнина, Анна. 2011а. «“Здесь как музей”: торговый центр как общественное пространство». *Laboratorium: журнал социальных исследований* 3(2):48–69.
- Желнина, Анна. 2011б. «Трансформация пространств потребления в современном российском городе на примере Санкт-Петербурга». Автореферат диссертации кандидата социологических наук. Социологический институт РАН, Санкт-Петербург.
- Крэри, Джонатан. [2013] 2022. *24/7. Поздний капитализм и цели сна*. М.: Издательский дом ВШЭ.
- Лэндри, Чарльз. [2000] 2005. *Креативный город*. М.: Издательский дом «Классика – XXI».
- Меньшикова, Евгения, Михаил Семенов, Константин Козлов и Евгений Дворецкий. 2017. «Ночь» как особое измерение человеческого бытия в культурной жизни русского провинциально-го города в условиях исторического перехода конца XIX – начала XX века». *Былые годы* 46(4):1454–1467. <https://doi.org/10.13187/bg.2017.4.1454>.
- Симонова, Вероника. 2008. «Холодный ноктюрн: антропология ночи эвенкийской деревни». *Журнал социологии и социальной антропологии* 11(4):163–184.

- Синельникова, Лара. 2020. «Концептуальная среда фронтального дискурса в гуманитарных науках». *Russian Journal of Linguistics* 24(2):467–492. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-467-492>.
- Филоненко, Константин. 2019. «Включенное наблюдение за барной стойкой: ценности и практики потребления крафтового пива». *Фольклор и антропология города* 2(3–4):257–267.
- Флорида, Ричард. [2002] 2007. *Креативный класс. Люди, которые меняют будущее*. М.: Издательский дом «Классика – XXI».
- Фуко, Мишель. [1966] 1977. *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*. М.: Прогресс.
- Харви, Дэвид. [1989] 2021. *Состояние постмодерна. Исследование истоков культурных изменений*. М.: Издательский дом ВШЭ.
- Швец, Марина и Н. М. Швец. 2014. «Ночная экономика города: идентификация понятия и особеннности феномена». С. 310–316 в *Юбилейный сборник научных трудов преподавателей, аспирантов и магистрантов социологического факультета Самарского государственного университета*. Самара: Самарский государственный университет.
- Anderson, Ben. 2009. "Affective Atmospheres." *Emotion, Space and Society* 2(2):77–81. <https://doi.org/10.1016/j.emospa.2009.08.005>.
- Aramayona, Vegoña, and Rubén García-Sánchez. 2019. "Decoding Middle-Class Protest against Low-Cost Nocturnal Tourism in Madrid." *Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events* 11(3):380–393. <https://doi.org/10.1080/19407963.2019.1584627>.
- Bauman, Zygmunt. 2000. "Urban Battlefields of Time/Space Wars." *Politologiske Studier* 7:1–8.
- Bianchini, Franco. 1995. "Night Cultures, Night Economies." *Planning Practice and Research* 10(2):121–126. <https://doi.org/10.1080/02697459550036667>.
- Bøhling, Frederik. 2015. "Alcoholic Assemblages: Exploring Fluid Subjects in the Night-Time Economy." *Geoforum* 58:132–142. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2014.11.012>.
- Bourlessas, Panos, Samantha Cenere, and Alberto Vanolo. 2022. "The Work of Foodification: An Analysis of Food Gentrification in Turin, Italy." *Urban Geography* 43(9):1328–1349. <https://doi.org/10.1080/02723638.2021.1927547>.
- Brenner, Neil, and Christian Schmid. 2015. "Towards a New Epistemology of the Urban?" *City* 19(2–3):151–182. <https://doi.org/10.1080/13604813.2015.1014712>.
- Brox, Jane. 2010. *Brilliant: The Evolution of Artificial Light*. Boston: Houghton Mifflin Harcourt.
- Chatterton, Paul, and Robert Hollands. 2002. "Theorising Urban Playscapes: Producing, Regulating and Consuming Youthful Nightlife City Spaces." *Urban Studies* 39(1):95–116. <https://doi.org/10.1080/004209802200990>.
- Davidson, Mark. 2009. "Displacement, Space and Dwelling: Placing Gentrification Debate." *Ethics Place and Environment* 12(2):219–234. <https://doi.org/10.1080/13668790902863465>.
- Eder, Mine, and Özlem Öz. 2015. "Neoliberalization of Istanbul's Nightlife: Beer or Champagne?" *International Journal of Urban and Regional Research* 39(2):284–304. <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12156>.
- Füller, Henning, Ilse Helbrecht, Sebastian Schlüter, Ulrike Mackrodt, Peter van Gille Ruppe, Carolin Genz, Beatrice Walthall, and Peter Dirksmeier. 2018. "Manufacturing Marginality: (Un-)governing the Night in Berlin." *Geoforum* 94:24–32. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2018.05.022>.
- Graeber, David. 2011. "Consumption." *Current Anthropology* 52(4):489–511. <https://doi.org/10.1086/660166>.
- Gwiazdzinski, Luc. 2005. *La nuit, dernière frontière de la ville*. La Tour-d'Aigues, France: Editions de l'Aube.
- Hadfield, Phil. 2015. "The Night-Time City. Four Modes of Exclusion: Reflections on the Urban Studies Special Collection." *Urban Studies* 52(3):606–616. <https://doi.org/10.1177/0042098014552934>.
- Hayward, Keith, and Dick Hobbs. 2007. "Beyond the Binge in 'Booze Britain': Market-Led Liminalization and the Spectacle of Binge Drinking." *British Journal of Sociology* 58(3):437–456. <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2007.00159.x>.

- Hubbard, Phil. 2007. "The Geographies of 'Going Out': Emotion and Embodiment in the Evening Economy." Pp. 117–134 in *Emotional Geographies*, edited by Joyce Davidson, Liz Bondi, and Mick Smith. London: Routledge.
- Hubbard, Phil. 2017. *The Battle for the High Street: Retail Gentrification, Class and Disgust*. Berlin: Springer.
- Koslofsky, Craig. 2011. *Evening's Empire: A History of the Night in Early Modern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lefebvre, Henri. [1992] 2004. *Rhythmanalysis: Space, Time and Everyday Life*. London: Bloomsbury Publishing.
- Lugosi, Peter, David Bell, and Krisztina Lugosi. 2010. "Hospitality, Culture and Regeneration: Urban Decay, Entrepreneurship and the 'Ruin Bars of Budapest.'" *Urban Studies* 47(14):3079–3101. <https://doi.org/10.1177/0042098009360236>.
- Lugosi, Peter, and Peter Erdelyi. 2009. "From Marketing to Market Practices: Assembling the Ruin Bars of Budapest." Pp. 298–310 in *Marketing Innovations for Sustainable Destinations*, edited by Alan Fyall, Metin Kozak, Luisa Andreu, Juergen Gnoth, and Sonja Sibila. Oxford: Goodfellow Publishers.
- Malbon, Ben. 1999. *Clubbing: Dancing, Ecstasy and Vitality*. London: Routledge.
- Marcuse, Peter. 1985. "Gentrification, Abandonment, and Displacement: Connections, Causes, and Policy Responses in New York City." *Washington University Journal of Urban and Contemporary Law* 28(1):195–239.
- Melbin, Murray. 1978. "Night as Frontier." *American Sociological Review* 43(1):3–22. <https://doi.org/10.2307/2094758>.
- Mommaas, Hans. 2004. "Cultural Clusters and the Post-industrial City: Towards the Remapping of Urban Cultural Policy." *Urban Studies* 41(3):507–532. <https://doi.org/10.1080/0042098042000178663>.
- Nofre, Jordi, Emanuele Giordano, Adam Eldridge, João C. Martins, and Jorge Sequera. 2018. "Tourism, Nightlife and Planning: Challenges and Opportunities for Community Liveability in La Barceloneta." *Tourism Geographies* 20(3):377–396. <https://doi.org/10.1080/14616688.2017.1375972>.
- Novy, Johannes, and Claire Colomb. 2013. "Struggling for the Right to the (Creative) City in Berlin and Hamburg: New Urban Social Movements, New 'Spaces of Hope?'" *International Journal of Urban and Regional Research* 37(5):1816–1838. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2427.2012.01115.x>.
- Otter, Chris. 2008. *The Victorian Eye*. Chicago: University of Chicago Press.
- Perkumienė, Dalia, and Rasa Pranskūnienė. 2019. "Overtourism: Between the Right to Travel and Residents' Rights." *Sustainability* 11(7):2138. <https://doi.org/10.3390/su11072138>.
- Pinke-Sziva, Ivett, Melanie Smith, Gergely Olt, and Zombor Berezvai. 2019. "Overtourism and the Night-Time Economy: A Case Study of Budapest." *International Journal of Tourism Cities* 5(1):1–16. <https://doi.org/10.1108/IJTC-04-2018-0028>.
- Schlör, Joachim. 1998. *Nights in the Big City: Paris, Berlin, London, 1840–1930*. London: Reaktion Books.
- Seijas, Andreina, and Mirik Milan Gelders. 2021. "Governing the Night-Time City: The Rise of Night Mayors as a New Form of Urban Governance after Dark." *Urban Studies* 58(2):316–334. <https://doi.org/10.1177/0042098019895224>.
- Sharpe, William. 2008. *New York Nocturne: The City after Dark in Literature, Painting, and Photography, 1850–1950*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Shaw, Robert. 2014. "Beyond Night-Time Economy: Affective Atmospheres of the Urban Night." *Geoforum* 51:87–95. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2013.10.005>.
- Shaw, Robert. 2015a. "'Alive after Five': Constructing the Neoliberal Night in Newcastle upon Tyne." *Urban Studies* 52(3):456–470. <https://doi.org/10.1177/0042098013504008>.
- Shaw, Robert. 2015b. "Night as Fragmenting Frontier: Understanding the Night That Remains in an Era of 24/7." *Geography Compass* 9(12):637–647. <https://doi.org/10.1111/gec3.12250>.
- Shaw, Robert. 2018. *The Nocturnal City*. London: Routledge.
- Thrift, Nigel. 2008. *Non-representational Theory: Space, Politics, Affect*. London: Routledge.

- Tutenges, Sébastien. 2010. "‘Louder! Wilder!’: Danish Youth at an International Nightlife Resort." PhD dissertation, Department of Sociology, University of Copenhagen.
- Tutenges, Sébastien. 2013. "Stirring Up Effervescence: An Ethnographic Study of Youth at a Nightlife Resort." *Leisure Studies* 32(3):233–248. <https://doi.org/10.1080/02614367.2011.627372>.
- Tutenges, Sébastien, and Frederik Bøhling. 2019. "Designing Drunkenness: How Pubs, Bars and Nightclubs Increase Alcohol Sales." *International Journal of Drug Policy* 70:15–21. <https://doi.org/10.1016/j.drugpo.2019.04.009>.
- Ural, Haktan. 2017. "Affective Economies of Beyoglu in Istanbul: The Construction of ‘Disgust’ and ‘Fear’ in Neoliberalization of Nightlife." *Emotion, Space and Society* 23:1–8. <https://doi.org/10.1016/j.emospa.2017.02.003>.
- Van Liempt, Ilse, Irina van Aalst, and Tim Schwanen. 2015. "Introduction: Geographies of the Urban Night." *Urban Studies* 52(3):407–421. <https://doi.org/10.1177/0042098014552933>.
- Wachsmuth, David, and Alexander Weisler. 2018. "Airbnb and the Rent Gap: Gentrification through the Sharing Economy." *Environment and Planning A: Economy and Space* 50(6):1147–1170. <https://doi.org/10.1177/0308518X18778038>.
- Zhelkina, Anna. 2013. "Learning to Use ‘Public Space’: Urban Space in Post-Soviet St. Petersburg." *Open Urban Studies Journal* 6(1):57–64. <https://doi.org/10.2174/1874942901306010057>.
- Zukin, Sharon. 2010. *Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places*. Oxford: Oxford University Press.
- Zukin, Sharon, Philip Kasinitz, and Xiangming Chen, eds. 2015. *Global Cities, Local Streets: Everyday Diversity from New York to Shanghai*. London: Routledge.

NIGHT-TIME ECONOMY, ALCOHOL, AND ENTERTAINMENT IN A BIG CITY: REVITALIZATION STRATEGIES, SPACES OF CONFLICT, AND NIGHT-TIME SUBJECTS IN THE RESEARCH ON THE URBAN NIGHT

Fedor Veselov

Fedor Veselov, Department of Anthropology, European University at St. Petersburg (Russia). Address for correspondence: EUSP, Gagarinskaja ul., 6/1A, Saint Petersburg, 191187, Russia. veselovfedor77@gmail.com.

The study was conducted as part of the program in cultural anthropology at the Department of Anthropology, European University at St. Petersburg, and the article was written during a two-month internship at the Alexanteri Institute (University of Helsinki) with the support from the INREES program. I thank the faculty and students in the Department of Anthropology for their regular discussions of the work at research seminars, my supervisor Mikhail Lurie for his dedicated academic guidance, and my colleagues Alexandra Barmina, Alisa Alieva, and Arseny Verkeev for the opportunity to freely share ideas and discuss research outside of an institutional context.

The article is devoted to a critical review of research on the night-time economy of cities. The focus is on the development of the economy of alcohol and entertainment in the night-time public spaces in cities across Europe (nightlife clusters, bars, nightclubs). The review examines the conceptual metaphor of the “night as frontier”; it describes the on-going transformation of social relations (primarily capitalist) not only in the spatial dimension, but also in the temporal one. The metaphor makes it possible to catch changes specific to the transition to a postindustrial model of urban development (formation of the experience economy, transformation of urban rhythms, the idea of the 24/7 city), as well as to interpret the processes of touristification, commercialization, and gentrification of urban space and the conflicts associated with them. The review describes the waves of interest in the urban night-time economy in Europe that are conventionally distinguished by researchers: from the rapid development of the night-time economy as a strategy of revitalization of city centers in the 1980s–1990s to a critical reflection on the social effects of such policies and the search for solutions to the problems of development of night-time industries. The last part of the article is devoted to the question of how the “night frontier” is arranged at the level of everyday interactions, affects, and human behavior in the city. The review cites case studies of European cities such as Rome, London, Madrid, Barcelona, Berlin, Budapest, Istanbul, and Newcastle, as well as the Bulgarian resort Sunny Beach (Slunchev briag) and other places. In addition, the article analyses the development (a modest one) of the research field in Russia, and throughout the review references are made to the relevant cases of Russian cities.

Keywords: Nocturnal City; Night-Time Economy; Night as Frontier; Postindustrial City; Experience Economy; Public Space; Alcohol and Entertainment; Urban Studies; Night Studies

REFERENCES

- Abdrekhimova, Aleksandra. 2007. “Petersburgskie di dzhei bary kak ob”ekt sotsiologicheskogo analiza.” *Zhurnal sotsiologii i sotsial’noi antropologii* 10(1):114–121.
- Anderson, Ben. 2009. “Affective Atmospheres.” *Emotion, Space and Society* 2(2):77–81. <https://doi.org/10.1016/j.emospa.2009.08.005>.
- Aramayona, Begoña, and Rubén García-Sánchez. 2019. “Decoding Middle-Class Protest against Low-Cost Nocturnal Tourism in Madrid.” *Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events* 11(3):380–393. <https://doi.org/10.1080/19407963.2019.1584627>.
- Bauman, Zygmunt. 2000. “Urban Battlefields of Time/Space Wars.” *Politologiske Studier* 7:1–8.
- Bianchini, Franco. 1995. “Night Cultures, Night Economies.” *Planning Practice and Research* 10(2):121–126. <https://doi.org/10.1080/02697459550036667>.
- Bøhling, Frederik. 2015. “Alcoholic Assemblages: Exploring Fluid Subjects in the Night-Time Economy.” *Geoforum* 58:132–142. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2014.11.012>.
- Bourlessas, Panos, Samantha Cenere, and Alberto Vanolo. 2022. “The Work of Foodification: An Analysis of Food Gentrification in Turin, Italy.” *Urban Geography* 43(9):1328–1349. <https://doi.org/10.1080/02723638.2021.1927547>.
- Brenner, Neil, and Christian Schmid. 2015. “Towards a New Epistemology of the Urban?” *City* 19(2–3):151–182. <https://doi.org/10.1080/13604813.2015.1014712>.
- Brox, Jane. 2010. *Brilliant: The Evolution of Artificial Light*. Boston: Houghton Mifflin Harcourt.
- Chatterton, Paul, and Robert Hollands. 2002. “Theorising Urban Playscapes: Producing, Regulating and Consuming Youthful Nightlife City Spaces.” *Urban Studies* 39(1):95–116. <https://doi.org/10.1080/004209802200990>.
- Crary, Jonathan. [2013] 2022. *24/7: Pozdnii kapitalizm i tseli sna*. Moscow: Izdatel’skii dom VShE.
- Davidson, Mark. 2009. “Displacement, Space and Dwelling: Placing Gentrification Debate.” *Ethics Place and Environment* 12(2):219–234. <https://doi.org/10.1080/13668790902863465>.

- Dolzhenkova, Marina. 2016. "Sushchnost' i spetsifika fenomena klubbinga v sovremennoi dosugovoi kul'ture." *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* 11(163):82–88. [https://doi.org/10.20310/1810-0201-2016-21-11\(163\)-82-88](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-82-88).
- Dukov, Evgenii, ed. 2005. *Ot zakata do rassveta: Noch' kak kul'turologicheskii fenomen*. Saint Petersburg, Russia: Dmitrii Bulanin.
- Dukov, Evgenii, ed. 2009. *Noch': Ritualy, iskusstvo, razvlecheniia. Glubiny temnoty*. Moscow: URSS, Lenand.
- Dukov, Evgenii. 2012. "Nochnaia kul'tura: Osvoenie novykh prostranstv, zhanrov i form." *Khudozhestvennaia kul'tura* 2:1–6.
- Dunn, Nick. [2016] 2021. "Patologiya gorodskoi nochi." *Gorodskie issledovaniia i praktiki* 6(4):56–64. <https://doi.org/10.17323/usp64202156-64>.
- Eder, Mine, and Özlem Öz. 2015. "Neoliberalization of Istanbul's Nightlife: Beer or Champagne?" *International Journal of Urban and Regional Research* 39(2):284–304. <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12156>.
- Filonenko, Konstantin. 2019. "Vkliuchennoe nabludenie za barnoi stoikoi: Tsennosti i praktiki potrebleniia kraftovogo piva." *Fol'klor i antropologiya goroda* 2(3–4):257–267.
- Florida, Richard. [2002] 2007. *Kreativnyi klass: Liudi, kotorye meniaiut budushchee*. Moscow: Izdatel'skii dom "Klassika–XXI."
- Foucault, Michel. [1966] 1977. *Slova i veshchi: Arkheologiya humanitarnykh nauk*. Moscow: Progress.
- Füller, Henning, Ilse Helbrecht, Sebastian Schlüter, Ulrike Mackrodt, Peter van Gelle Ruppe, Carolin Genz, Beatrice Walthall, and Peter Dirksmeier. 2018. "Manufacturing Marginality: (Un-)governing the Night in Berlin." *Geoforum* 94:24–32. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2018.05.022>.
- Gehl, Jan. [2010] 2012. *Goroda dlia liudei*. Moscow: Alipina Publisher.
- Goffman, Erving. [1963] 2017. *Povedenie v publichnykh mestakh: Zametki o sotsial'noi organizatsii sborishch*. Moscow: Elementarnye formy.
- Gorbachev, Aleksandr. 2021. *Ne nado stesnyat'sia: Istoriia postsovetsoi pop-muzyki v 169 pesniakh (1991–2021)*. Moscow: Institut muzykal'nykh initsiativ.
- Graeber, David. 2011. "Consumption." *Current Anthropology* 52(4):489–511. <https://doi.org/10.1086/660166>.
- Gwiazdzinski, Luc. 2005. *La nuit, dernière frontière de la ville*. La Tour-d'Aigues, France: Editions de l'Aube.
- Hadfield, Phil. 2015. "The Night-Time City. Four Modes of Exclusion: Reflections on the Urban Studies Special Collection." *Urban Studies* 52(3):606–616. <https://doi.org/10.1177/0042098014552934>.
- Harvey, David. [1989] 2021. *Sostoianie postmoderna: Issledovanie istokov kul'turnykh izmenenii*. Moscow: Izdatel'skii dom VShE.
- Hayward, Keith, and Dick Hobbs. 2007. "Beyond the Binge in 'Booze Britain': Market-Led Liminalization and the Spectacle of Binge Drinking." *British Journal of Sociology* 58(3):437–456. <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2007.00159.x>.
- Hubbard, Phil. 2007. "The Geographies of 'Going Out': Emotion and Embodiment in the Evening Economy." Pp. 117–134 in *Emotional Geographies*, edited by Joyce Davidson, Liz Bondi, and Mick Smith. London: Routledge.
- Hubbard, Phil. 2017. *The Battle for the High Street: Retail Gentrification, Class and Disgust*. Berlin: Springer.
- Koslofsky, Craig. 2011. *Evening's Empire: A History of the Night in Early Modern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Landry, Charles. [2000] 2005. *Kreativnyi gorod*. Moscow: Izdatel'skii dom "Klassika–XXI."
- Lefebvre, Henri. [1992] 2004. *Rhythmanalysis: Space, Time and Everyday Life*. London: Bloomsbury Publishing.
- Lugosi, Peter, David Bell, and Krisztina Lugosi. 2010. "Hospitality, Culture and Regeneration: Urban Decay, Entrepreneurship and the 'Ruin Bars of Budapest.'" *Urban Studies* 47(14):3079–3101. <https://doi.org/10.1177/0042098009360236>.

- Lugosi, Peter, and Peter Erdelyi. 2009. "From Marketing to Market Practices: Assembling the Ruin Bars of Budapest." Pp. 298–310 in *Marketing Innovations for Sustainable Destinations*, edited by Alan Fyall, Metin Kozak, Luisa Andreu, Juergen Gnoth, and Sonja Sibila. Oxford: Goodfellow Publishers.
- Malbon, Ben. 1999. *Clubbing: Dancing, Ecstasy and Vitality*. London: Routledge.
- Marcuse, Peter. 1985. "Gentrification, Abandonment, and Displacement: Connections, Causes, and Policy Responses in New York City." *Washington University Journal of Urban and Contemporary Law* 28(1):195–239.
- Melbin, Murray. 1978. "Night as Frontier." *American Sociological Review* 43(1):3–22. <https://doi.org/10.2307/2094758>.
- Menshikova, Evgeniia N., Mikhail Y. Semenov, Konstantin V. Kozlov, and Evgenii Dvoretzkiy. 2017. "Noch" kak osoboe izmerenie chelovecheskogo bytiia v kul'turnoi zhizni russkogo provintsial'nogo goroda v usloviakh istoricheskogo perekhoda kontsa XIX–nachala XX veka." *Bylye gody* 46(4):1454–1467. <https://doi.org/10.13187/bg.2017.4.1454>.
- Mommaas, Hans. 2004. "Cultural Clusters and the Post-industrial City: Towards the Remapping of Urban Cultural Policy." *Urban Studies* 41(3):507–532. <https://doi.org/10.1080/0042098042000178663>.
- Nofre, Jordi, Emanuele Giordano, Adam Eldridge, João C. Martins, and Jorge Sequera. 2018. "Tourism, Nightlife and Planning: Challenges and Opportunities for Community Liveability in La Barceloneta." *Tourism Geographies* 20(3):377–396. <https://doi.org/10.1080/14616688.2017.1375972>.
- Novy, Johannes, and Claire Colomb. 2013. "Struggling for the Right to the (Creative) City in Berlin and Hamburg: New Urban Social Movements, New 'Spaces of Hope?'" *International Journal of Urban and Regional Research* 37(5):1816–1838. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2427.2012.01115.x>.
- Otter, Chris. 2008. *The Victorian Eye*. Chicago: University of Chicago Press.
- Perkumienė, Dalia, and Rasa Pranskūnienė. 2019. "Overtourism: Between the Right to Travel and Residents' Rights." *Sustainability* 11(7):2138. <https://doi.org/10.3390/su11072138>.
- Pinke-Sziva, Ivett, Melanie Smith, Gergely Olt, and Zombor Berezvai. 2019. "Overtourism and the Night-Time Economy: A Case Study of Budapest." *International Journal of Tourism Cities* 5(1):1–16. <https://doi.org/10.1108/IJTC-04-2018-0028>.
- Schlör, Joachim. 1998. *Nights in the Big City: Paris, Berlin, London, 1840–1930*. London: Reaktion Books.
- Seijas, Andreina, and Mirik Milan Gelders. 2021. "Governing the Night-Time City: The Rise of Night Mayors as a New Form of Urban Governance after Dark." *Urban Studies* 58(2):316–334. <https://doi.org/10.1177/0042098019895224>.
- Sharpe, William. 2008. *New York Nocturne: The City after Dark in Literature, Painting, and Photography, 1850–1950*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Shaw, Robert. 2014. "Beyond Night-Time Economy: Affective Atmospheres of the Urban Night." *Geoforum* 51:87–95. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2013.10.005>.
- Shaw, Robert. 2015a. "Alive after Five': Constructing the Neoliberal Night in Newcastle upon Tyne." *Urban Studies* 52(3):456–470. <https://doi.org/10.1177/0042098013504008>.
- Shaw, Robert. 2015b. "Night as Fragmenting Frontier: Understanding the Night That Remains in an Era of 24/7." *Geography Compass* 9(12):637–647. <https://doi.org/10.1111/gec3.12250>.
- Shaw, Robert. 2018. *The Nocturnal City*. London: Routledge.
- Shvets, Marina, and N. M. Shvets. 2014. "Nochnaia ekonomika goroda: Identifikatsiia poniatiia i osobennosti fenomena." Pp. 310–316 in *Iubileinyi sbornik nauchnykh trudov prepodavatelei, aspirantov i magistrantov sotsiologicheskogo fakul'teta Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. Samara, Russia: Samarskii gosudarstvennyi universitet.
- Simonova, Veronika. 2008. "Kholodnyi noktiurn: Antropologiiia nochi evenkiiskoi derevni." *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* 11(4):163–184.
- Sinelnikova, Lara N. 2020. "Kontseptual'naia sreda frontirnogo diskursa v gumanitarnykh naukakh." *Russian Journal of Linguistics* 24(2):467–492. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-467-492>.

- Thrift, Nigel. 2008. *Non-representational Theory: Space, Politics, Affect*. London: Routledge.
- Tutenges, Sébastien. 2010. "Louder! Wilder!": Danish Youth at an International Nightlife Resort." PhD dissertation, Department of Sociology, University of Copenhagen.
- Tutenges, Sébastien. 2013. "Stirring Up Effervescence: An Ethnographic Study of Youth at a Nightlife Resort." *Leisure Studies* 32(3):233–248. <https://doi.org/10.1080/02614367.2011.627372>.
- Tutenges, Sébastien, and Frederik Bøhling. 2019. "Designing Drunkenness: How Pubs, Bars and Nightclubs Increase Alcohol Sales." *International Journal of Drug Policy* 70:15–21. <https://doi.org/10.1016/j.drugpo.2019.04.009>.
- Ural, Haktan. 2017. "Affective Economies of Beyoglu in Istanbul: The Construction of 'Disgust' and 'Fear' in Neoliberalization of Nightlife." *Emotion, Space and Society* 23:1–8. <https://doi.org/10.1016/j.emospa.2017.02.003>.
- Van Liempt, Ilse, Irina van Aalst, and Tim Schwanen. 2015. "Introduction: Geographies of the Urban Night." *Urban Studies* 52(3):407–421. <https://doi.org/10.1177/0042098014552933>.
- Vileykis, Alexander, and Polina Khanova. 2021. "Gorod-giperob"ekt: Vvedenie." *Gorodskie issledovaniia i praktiki* 6(4):7–16. <https://doi.org/10.17323/usp6420217-16>.
- Vozyanov, Andrey. 2019. "Obschestvennyi transport i politiki chastei sutok: Ob ischezaiushchem veche bol'shogo goroda." *Etnograficheskoe obozrenie* 3:27–41. <https://doi.org/10.31857/S086954150005296-5>.
- Wachsmuth, David, and Alexander Weisler. 2018. "Airbnb and the Rent Gap: Gentrification through the Sharing Economy." *Environment and Planning A: Economy and Space* 50(6):1147–1170. <https://doi.org/10.1177/0308518X18778038>.
- Zhel'nina, Anna. 2011a. "Zdes' kak muzei: Torgovyi tsentr kak obshchestvennoe prostranstvo." *Laboratorium: Russian Review of Social Research* 3(2):48–69.
- Zhel'nina, Anna. 2011b. "Transformatsiia prostranstv potrebleniia v sovremennom rossiiskom gorode na primere Sankt-Peterburga." Avtoreferat dissertatsii kandidata sotsiologicheskikh nauk, Sotsiologicheskii institut RAN, Saint Peterburg.
- Zhel'nina, Anna. 2013. "Learning to Use 'Public Space': Urban Space in Post-Soviet St. Petersburg." *Open Urban Studies Journal* 6(1):57–64. <https://doi.org/10.2174/1874942901306010057>.
- Zukin, Sharon. 2010. *Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places*. Oxford: Oxford University Press.
- Zukin, Sharon, Philip Kasinitz, and Xiangming Chen, eds. 2015. *Global Cities, Local Streets: Everyday Diversity from New York to Shanghai*. London: Routledge.